

РСО-ЕУЭГ-РХ-РАЕМ-УРО1-РАЕМ-РАЕМ/тп-тп
иже познание является как бы веками жизненного
пути выдающегося одинокого исследователя и учено-
го, прославленного радиста и радиомеханика. Герой
Советского Союза Эрист Теодорович Кренкель.
Образ этого человека, ставшего легендарным, при
жизни, не потускнел с годами. С его именем в оди-
нородной степени связаны и история освоения Арктики
и радиотехника.

Э. Т. Кренкель обладал необычайным обаянием,
которое складывалось из многих качеств, но глав-
нейшим из них были человечность и романтизм. Великий мореходный
полярный исследователь и путешественник Фритוף Нансен сказал о романтике, что
она «рождает в людях дух отваги и извечное стремление преодолевать трудности на не-
проторенных путях поиска». Именно романтизм постоянно увлекал Э. Т. Кренкеля туда,
где неразрешимых загадок было больше всего.

С этого номера журнала мы начинаем публикацию дневников Э. Т. Кренкеля. Они
расскажут читателям о лучших страницах его жизни, о том, как радио служило людям
на заре своего развития, какую роль играло во время первых «вылетов» человека в
Арктику, как коренные воины получили «прошук» за Полярным кругом.

Дневники печатаются впервые. Их подготовил к печати и литературно обработал
сын Э. Т. Кренкеля — Теодор Эристович Кренкель.

1. ПЕРВЫЙ ШАГ В АРКТИКУ

В жизни каждого человека бы-
вают какие-то обстоятельства, на
первый взгляд может и ничем
не примечательные, но оказывающие
исключительное влияние на весь
дальнейший его путь. Случилось
так, что однажды Эрист Кренкель
натолкнулся на приклеенное к стене
объявление о наборе слушателей на
курсы радистов. И вот этот, сам по
себе незначительный эпизод привел
к решительному повороту в его
жизни.

«Я долго читал и перечитывал
объявление. Мимо шли люди. Ни-
кого, кроме меня, эти листки не
привлекали, а я стоял и думал...
Загадочный мир радиопроизвол, да еще
в придачу усиленное питание для
тех, кто в этот мир проникает, все
это было совсем неплохим вариантом
дальнейшего жизненного устройст-
ва».

Произошло это в 1921 году, когда
Кренкелю было 19 лет, и он «работал
подручным в крохотной мастерской
одного знакомого моего отца. Вместе
ремонтировали примуса, дтесные ко-
ляски и касторки. Получал полови-
ну цены заказа. Тут я уже стал
большой поддержкой семьи, так как
отец начал хворать. Позже, одно-
временно с работой в мастерской по
вечерам учился на курсах радистов».

Молодой Советской республике
необходимы были радисты, и курсы,
организмованные Профсоюзом радио-
специалистов, должны были воспи-
тать молодую радиосмену. Обучение
велося на старой технике — новой
еще просто не было, — которая пред-
ставляла собой «громадины, в вы-
сшей степени нескладные ящики, при
помощи которых и происходил про-
цесс обучения. Передняя обшивочная
панель такого приемника имела тол-
щину около двух пальцев. Под обо-

нит были загнаны огромные медные
и латунные контакты. Для настройки
приемника приходилось поворачивать
ручки. Было это явно не дам-
ским делом, требуя изрядной физиче-
ской силы. Потому-то в радисты,
как мы тогда шутили, брали только
настоящих мужчин».

Через год курсы были окончены,
и Кренкеля, как первого ученика
(скорее прися, это пятнадцать букв
в минуту), направили на Люберец-
кую радиостанцию, принимавшую
сообщения прессы всех стран, кото-
рые затем направлялись в редакции
центральных газет.

Первый рабочий день сложился
для Эриста Теодоровича неудачно.
Одно дело принимать передачи учеб-
ной радиостанции и «Вестник
РОСТА», передаваемый Ходынской
радиостанцией, и совсем другое —
«вмывать» слабый сигнал далекого
корреспондента среди помех.

Первая радиодиаграмма из г. Лиона из-
не была принята. Но опыт приходит
со временем, и скоро все налаживается.
«Одновременно с работой на Любе-
рецкой радиостанции стал учиться на
радиотехника. Проучившись два года
(1922—1923 гг.) бросил учебу, так
как надоело сидеть на месте. Отпра-
вился в 1924 году в Ленинград, на-
деясь устроиться радистом на ка-
кой-нибудь пароход». В кармане
у него лежала рекомендательная
записка к Профсоюз таксо-
денщика «Петя! Помоги этому парню.
Он в доску свой...»

Однако работы даже для опытных
радистов не было. Но судьба распо-
рядилась так, что свела Эриста
с Н. Н. Матусевичем — начальни-
ком Экспедиции Северного Ледови-
того океана, который набирал оче-
редную смену зимовщиков на пер-

вую советскую полярную станцию —
Маточина Шар.

Маточина Шар — это пролив, раз-
деляющий о. Новая Земля на две
части. У восточной части пролива,
выходящего в Карское море, в 1923
году была построена обсерватория.
В обязанности обслуживающего ее
персонала входило составление ме-
теосводок, проведение гидрологи-
ческих и аэрологических наблюдений.
Первая смена зимовщиков еще си-
дела на Новой Земле и никому,
кроме них, не было известно толком,
что же это такое — экспедиция на
столь далекий остров. Опытные ра-
дисты предпочитали повременить,
узнать сначала о впечатлениях зи-
мовщиков, поэтому претендентов на
место радиста во второй смене не
было. Через несколько часов после
встречи с Н. Н. Матусевичем, вака-
нсию занял Кренкель.

Дальнейшие события разворачи-
вались стремительно. В тот же день
новоспеченный полярник отбыл
в Архангельск, а 9 августа 1924 года
пароход «Юшар» взял курс на Но-
вую Землю.

13 августа «Юшар» вошел в про-
лив, а 16 началась смена состава
обсерватории. «Вчера, с утра, со
всеми вещами переехал на берег.
Вместе с зимовщиками нас встретили
собаки и маленький белый медвежо-
нок, который оказывается очень лю-
бит сосать блестящие пуговицы. Не-
которые собаки очень большие и
красивые. Жилой дом устроен по
коридорной системе. Меня поселили
в комнате Боголепова, это — про-
изволений радист... Окно выходит
на пролив, вдали видны Карское
море и плавающие льдины. Начал
работать на радиостанции, которая
помещается в отдельном доме. Ра-
бота по передаче ведется только
с Югорским Шаром. Прием также
только от него».

Путь радиодиаграмм от обсерватории
до Большой Земли был довольно
сложным. Сначала сообщение при-
нималось радиостанцией Югорского
Шара, расположенной в 400 км от
Маточина Шара, а затем передава-
лось на радиостанцию Исакогорку,
находящуюся недалеко от г. Архан-
гельска. Там стоял 15-киловаттный
передатчик, с помощью которого
радиодиаграммы, наконец, посылались
в Москву.

«Вчера вечером в 21 час я здорово
прохолопал прием. Мешила какая-то
судовая радиостанция, и вообще я
сильно нервничал. В шесть часов
утра меня разбудили и дали три
метеорологических телеграммы. Я
пошел один, без Боголепова, попроси-
ли пустить выключатель и сам впервые
запустил передатчик. Немного нерв-
ничал, но ничего, сошло. Потом
пришлось слушать судовые радиа-

1924 год. Э. Т. Кренкель на радиостанции Маточкин Шар.

От 8 до 10 слушал RCX («Юшар»). До десяти часов он нам ничего не передавал. Ровно в 10 дал две квантации. К работе я уже более или менее привык. Надеюсь, что скоро совершенно освоюсь...»

Радиостанция на Маточкином Шаре состояла из искрового передатчика, основными частями которого были умформер и разрядник. Причем последний являлся самой капризной деталью — сплюснутые кольца, входившие в его конструкцию, частенько выходили из строя, и происходил пробой разрядника.

«Пуск передатчика был целым событием. После звонка к механику в соседнем помещении начинался запуск двигателя. Опирился сжатым воздухом и ловко попадая в такт, механик должен был раскрутить и запустить двигатель... Теперь наступал мой черед: осторожно выводился пусковой реостат и, заревев трубным звуком, как разъяренный слон или носорог, начинал работать пятикиловаттный умформер. Приемники на радиостанции были детекторный и ламповый с усилителем. Лампы приходилось экономить, так как они быстро старелись и переставали работать.

Кроме служебных радиogramм эти приемники позволяли принимать радиовещательные станции Большой Земли. Но это удавалось далеко не всегда. «... Принимал «Вестник РОСТА» из Москвы. К сожалению, он дается в час ночи, а в шесть утра я уже должен работать. Так что надо рано ложиться спать. Еще очень печальная штука. В три часа дня из Москвы передаются концерты, но я как раз в три должен проверять часы по Архангельску и потом до четырех принимать. К теперешней работе мне очень трудно привыкать. Приходится по три часа просиживать с телефонами на ушах и дожидаться какой-то

несчастной радиogramмы в 15—20 слов».

Первая неисправность на радиостанции произошла 5 декабря. «Утром пошел в рубку. Включил вентилятор, разрядник — не работает. Стал искать повреждение. Индуктором прощупал все соединения — все в порядке. После двух часов поисков нашел — собака перекусила за шкафом провод к вентилятору». Погода зимовщиков не баловала, частенько бывали метели, ветры до 28 метров в секунду, мороз более 30 градусов, да еще постоянными гостями поселка стали белые медведи. А на связь надо выходить каждый день в определенные часы.

«...Когда идешь на радиостанцию, хотя до нее всего 150 шагов, нужно обязательно брать с собой оружие, так как приходится остерегаться нападения медведя. Говорят два года назад в районе рации их было убито 38!»

Если на дворе оставляются какие-либо вещи, то около них нужно ставить высокий щест, иначе их зимой не найдешь. Например был такой случай: занесло продуктовый склад. Пришлось с помощью компаса и карты определять его местонахождение».

Иногда радисту подолгу приходилось сидеть в радиорубке, температура в которой доходила до —12 °С. Работать на ключе в таких случаях можно было только в перчатках, иначе моментально коченели руки.

«26 декабря. Вечером в 18.30 слушал с Паулем * радиоконцерт из Москвы. Слышимость была великолепная! Номера все были очень хорошие. Всего 12 номеров. Пели артисты Госакадемии Любави Николаевна Савровская, Люминарский, соло на балалайке исполнял Сысоев.

* Один из зимовщиков.

Вечером в 22.00 был опять концерт. Соло на кларнете — заслуженный артист республики проф. Адамов, еще юмористические рассказы и т. д. На новый год надо будет послать телеграмму на радиотелефонку Хомичу. Стало немного тоскливо, когда вспомнил, что радиостанция находится в 15 минутах ходьбы от моего дома». (Речь идет о Центральной радиотелефонной станции, построенной в Москве в 1922 году за Курским вокзалом, на Гороховской улице (ныне улица Радио). Впоследствии она получила наименование радиостанции имени Коминтерна. И. С. Хомич — начальник радиостанции).

«27 декабря. Вечером слушал радиогазету из Москвы (с 23 ноября 1924 года регулярно передавалась станцией имени Коминтерна). Слышно хорошо. Сообщают в объявлениях о том, что Моссельпром доставляет покупки на дом. Сегодня послал служебную радиogramму на телефонку в Москву с благодарностью и сообщением о хорошей слышимости. Прошу их ответить нам четвертого января после концерта в 22 часа. Послал привет Хомичу и Асееву *.

«Воскресенье, 28 декабря. Сегодня случилось изобретательное событие. Все по порядку: вчера послал на радиотелефонную станцию в Москву следующую радиogramму: «Стотрудники Полярной геофизической обсерватории Маточкин Шар, Новая Земля сердечно благодарят артистов и технический персонал рации за полученное наслаждение. Слышимость великолепная. Просьба сообщить получение сей радиogramмы четвертого января после концерта в 22 часа. Привет завраду Хомичу, Асееву от Кренкеля».

Сегодня слушали в 18.30 концерт. Было слышно великолепно. Концерт был очень хороший и вот, вдруг, после его окончания начинают говорить: «Алло! Алло! Новая Земля! В 22 часа, сегодня, будет дан концерт и затем будет передана телефотограмма!»

Можно себе представить как мы были возбуждены! Значит наша телеграмма дошла в срок меньше суток, и нам даже ответил! Несмотря на снежную бурю я поспался домой и сообщил всем эту сногсшибательную новость. Пришлось отречься от желаний пойти в рубку. С трудом дождался назначенного часа, и за тридцать минут до начала концерта детекторы были настроены как «черту в глаз». Втроем (Костя, **

* Б. П. Асеев — преподаватель Электротехнического техникума народной связи, впоследствии известный ученый.

** Костя Сысоятин — второй радиист.

Пауль и я), дрожа от возбуждения и нетерпения, вцепились в телефоны и превратились в слух. Концерт был слышен шикарно. Только хорошие номера. Арии из опер, соло на скрипке, на рояле и пение. Конферировал какой-то забавный шутник. Наконец-то концерт закончился, и мужской голос торжественно произнес: «Товарищи, вчера нами получена радиogramма с Новой Земли, которую я сейчас прочту для всех». Последовало чтение нашей вчерашней радиogramмы. Было прочтено все «от доски до доски», даже мой привет Хомичу и Асееву. После этого мужской голос сказал: «Алло! Маточкин Шар, слушайте. Завтрадо Хомич прочтет для Вас телефоновграмму. Слушайте, передаю трубку Хомичу... Маленькая пауза... «Алло! Алло! Маточкин Шар! (Сразу узнал голос Ивана Семеновича). Полярной Геофизической Обсерватории на Маточкином Шаре, Новая Земля.

Дорогие товарищи! Ваша радиogramма о великолепной слышимости наших радиоконцертов на Новой Земле привела нас в неописуемый восторг. Ваш голос особенно для нас дорог как голос пионеров культуры на далеких форпостах земного шара. Мы счастливы, что на нашу долю выпало осуществление духовной связи красной столицей с полярными окраинами. Артисты и персонал радиостанции имени Коминтерна шлют свой братский привет. Начрадно Хомич».

После этого сыграли Интернационал, и Хомич, сказав «до свидания», замолчал. Захватив с собой принятое сообщение, побежал домой. Здания не было видно из-за страшной снежной бури. Ветер — метров в 25. Около самого дома забрели во тьме в сугроб и, провалившись по грудь, еле выбрались из него. Несмотря на поздний час большинство зимови-

ков еще не спало. И вот началось чтение и обсуждение телефоновграммы. Все было как-то очень обрадованы. Как-никак, а Москва непосредственно говорила нам и притом такие приятные для нас вещи».

В жизни полярников во время зимовки есть особый день, когда после долгой полярной ночи впервые появляется солнце. Это и праздник света, и та точка, с которой начинается отсчет дней, оставшихся до возвращения на Большую Землю. На Маточкином Шаре этим днем было 2 февраля. «День был чудесный. Полный штиль при трех градусах мороза. Собаки шли довольно быстро. Примерно 6—7 верст в час. Доехали почти до мыса Выходного. Там в первом часу увидели солнце. Небо было покрыто сине-черно-багровыми тучами самых причудливых форм, вверху они переходили в перистые облака нежно-розового цвета. Позади белые высокие горы. Над самым горизонтом в море был виден нижний край солнца, верхняя половина его была закрыта тучей».

Дело идет к полярному лету. На обсерватории проводятся разные весенние хозяйственные работы. Зимовка близится к концу, наступает время строить планы на будущее и — возникает мечта, та мечта, которая много раз в жизни Эрнста Теодоровича будет осуществляться по-разному, при разных обстоятельствах и в разные годы. Но всегда она будет связана с зимовкой и радио. «Козловский (аэролог) и я собираемся подать полный проект — смету двухкиловаттной радиостанции и гидрометстанции на острове Пастухова (Новая Земля). Весь вкус заключается в том, что мы хотим дать максимум работы (метео, ледовые, аэрологические и гидрологические сведения) при штате всего в три человека, а именно: моторист,

наблюдатель и радиотелеграфист. Хотим с Козловским разработать все подробно и по приезде подать в Убеко-Север* или в Северную гидрографическую экспедицию».

Если в Арктике кто-нибудь попадает в беду, то на вахту становятся радисты. Был такой случай и у Э. Т. Кренкеля в ту первую его зимовку на Новой Земле. «Вчера вечером (28 мая) принял из Москвы телеграмму, адресованную нам, в которой сообщалось, что с о. Шпицбергена 21 мая вылетели два аэроплана**. У них есть с собой радиостанция. Направление к Северному полюсу. Местонахождение неизвестно. Спрашивают, где находится Амундсен. Просят нас попытаться вступить с ним в связь.

Станция наша находится в плачевном состоянии. Мощность увеличивать весьма опасно, так как разрядник совершенно разбит и не выдерживает даже нормального напряжения. Приемная часть, если ее можно так громко назвать, состоит из дрянного приемника с никудыми детекторами. Ламп — ни единой. Несмотря на все это, сегодня вечером для очистки совести звали Шпицберген (LFG) и Амундсена (LWZ). Работал на английском языке. Сколько ни старался, но при нашем приемнике, ясно, ничего не услышал».

12 августа 1925 года в пролив вошло экспедиционное судно «Гаймюр» с новой смесью личного состава обсерватории. Зимовка была окончена.

Так Э. Т. Кренкель сделал первый шаг в Арктику.

(Продолжение следует)

* Управление безопасности кораблеводства в Северных морях.

** Экспедицию возглавил известный норвежский полярный путешественник Р. Амундсен.

2. Короткие волны за Полярным кругом

Незабываемо первое возвращение на материк. С особенной радостью я смотрел на зелень и деревья. С любопытством взглядывал в лица людей. Женщины казались необыкновенно красивыми.

Через полторы недели (12 ноября 1925 года) я был призван в Красную Армию. Попадал в радиотелеграфный батальон. Так как я был к тому времени уже опытным радистом, то мне поручили вести занятия по радиоделу с группами красноармейцев. Кроме того, меня произвели в ротные горнисты. Ведение этого я не имел винтовки, и мне ее не приходилось чистить. Зато каждый день обнаруживались недостатки в моей трубе, за что получал штрафные наряды. Горнистом я был плохим. Но как радист умудрился в продолжение одного года службы участвовать в пяти маневрах. Выдержал испытание на командира взвода, был переведен в запас в ноябре 1926 года.

16 ноября 1926 г. «Еще на военной службе решил, что как только приеду в Москву, усиленно займусь радиолобительством. Это будет и приятно, а главное — полезно, так как даст практические навыки и заставит разбираться в делах радиотелеграфии. С первых же дней, благо были деньги, стал закупать оптом и в розницу радиопринадлежности, и к сегодняшнему дню их у меня уже скопилось порядочное количество.

Все как-то не хотелось заниматься устройством «луча» на крыше, поэтому в качестве антенны использовал осветительную сеть. Но результаты получились такие скверные, что пришлось все же решиться залезть на крышу. Сегодня купил 30 метров бронзового канатика. Завтра натаную один «лучик».

19 ноября 1926 г. «Устроился я у Бориса (Асеева) в радиолaborатории техникума. По вечерам буду посещать радионструкторские курсы, на которые записался после приезда с военной службы.

...Все время мечтаю о второй зимовке. Хотелось бы поехать в Арктику со следующими аппаратами: супергетеродин (10 ламп), хорошие коротковолновые приемники и

передатчик мощностью ватт на 30—40. Последнее, конечно, самое дорогое, так как потребует внушительная «силовая установка» — генератор постоянного тока вольт, эдак, на 600—700. Супергетеродин * помогал бы коротать зимние (почти весь год) вечера, а при помощи коротковолнового передатчика и приемника можно было бы поставить какой-нибудь новый рекорд и вообще держать связь с Большой Землей. Прямо не могу дождаться того момента, когда я «единую» короткой волной с матиарской антенны. Подумать только! Две мачты по 60 метров и кругом вода, вода! Дальность действия должна быть колоссальная. Но для того, чтобы добиться хороших результатов, надо как следует заняться теорией и побольше поработать практически. В этом отношении очень хорошо, что я попал в лабораторию. Тут все можно будет испытать, смонтировать и подобрать. Приборы буду приобретать постепенно, так как некоторые из них стоят очень дорого. На «супер» одной лампы надо 10 штук, а

* Для приема вещательных станций, которые в ту пору работали на длинных и средних волнах.

1927 год. Э. Т. Кренкель на радиостанции Матюшина Шара.

кроме того, еще нужно иметь запасные».

В 1921—1922 годах, как известно, именно радиолобители открыли «загадочные» свойства коротких волн и привлекли к ним внимание многих радиоспециалистов. В СССР изучением коротких волн первой занялся Нижегородский радиолaborатория. В мае 1924 года В. В. Татаринов провел первые опыты телефонирования на волне 30 метров при высоте антенны в 3 метра.

Однако вопрос о пригодности радиосвязи на коротких волнах оставался еще открытым. Для того, чтобы доказать ее «дальнобойность» и надежность была поставлена серия опытов, в которых активное участие принимали радиолобители. В конце 1926 года и начале 1927 года радиолобителей было еще очень мало, но энтузиазм у них был огромный. В числе приверженцев коротких волн был и Э. Т. Кренкель.

19 января 1927 г. «Если все планы будущего когда-либо исполнятся, то интересно будет вспомнить те дни, когда эти планы только созревали. Начну все по порядку. Собирая коротковолновый передатчик на собственные средства, я пришел к выводу — чтобы сделать что-либо подобное, нужно затратить такие средства, которых у меня и не предвиделось. Кроме того, предполагаемая мощность передатчика (40 ватт) стала мне казаться чересчур маленькой. Нужно было найти выход из положения.

Дальнейшие шаги я делал не сознательно, а как-то по наитию. Будучи в городе и болтаюсь по радиоматоганам, я решил зайти к Спикевскому * в «Радиопередатчик» ** и спросить его, нельзя ли где-нибудь приобрести коротковолновый приемник. Он мне ничего определенного не сказал, но посоветовал обратиться к Делакроа, который является заведующим ла-

* И. И. Спикевский — радист и журналист.

** Для осуществления радиосвязи на правительством было создано в 1924 году акционерное общество «Радиопередатчик». Пайщиками общества являлись: Народный Комиссариат Почт и Телеграфов, Высший Совет Народного Хозяйства, Всероссийский электротехнический трест заводов слабого тока и Российское телеграфное агентство (РОСТА).

Начало см. «Радио» № 6.

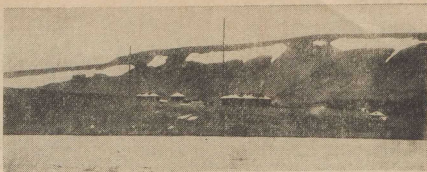
лабораторией «Радиопередачи». Недолго думая, отправился к нему. Рассказал, что хочу заняться оптимизацией на Маточкином Шаре и ищу аппаратуру. Он мне сообщил цену приемника на короткие волны — 360 рублей. Как видно и мечтать не приходится. Но он мне поддал хорошую идею, а именно, заинтересовать какое-либо учреждение, которое дало бы или аппаратуру, или деньги для покупки такой. Посоветовал зайти в Московское Бюро Нижегородской радиолaborатории (НРЛ) к инженеру Н. А. Никитину*. Так я и сделал. Должен тут сделать оговорку: я и сам раньше думал связаться с лабораторией, но считал, что это слишком безнадежно.

В этот день я решил и, набравшись духа, прямо из «Радиопередачи» пошел в Бюро радиолaborатории. Там меня очень любезно и предупредительно принял инженер Никитин. Я ему подробно изложил мои планы, которые его очень заинтересовали.лично он, конечно, вопроса решить не мог, но высказал мнение, что, вероятно, М. А. Бонч-Вруевич согласится дать нужную для опытов аппаратуру. Спросил меня об источниках тока. Потом начались обычные вопросы о зимовке. Рассказывал ему с большим воодушевлением, так как радовался возможной удаче моих планов. Беседовали больше часа. Обстоятельства складывались для меня очень благоприятно: Бонч-Вруевич был как раз в Москве. Никитин посоветовал мне написать обстоятельную записку на его имя и явиться для личных переговоров на следующий день.

Невероятно долго тянулся этот вечер. Ночью не мог заснуть, все перебирал в уме новые планы. На следующий день в половине десятого позвонил по телефону Никитину. Хотя Бонч-Вруевич еще спал, но Никитин просил меня зайти. Захватив фотографии и планы Маточкина Шара, я отправился туда.

Можно себе представить, как я волновался! Показал обстоятельную записку Никитину и поговорил с ним некоторое время. Наконец пришел Бонч-Вруевич, Никитин меня познакомил с ним. Первый его вопрос был: «Какой ток на Маточкином Шаре?» Потом говорит: «Да, мы можем дать 300-ваттный передатчик и приемник».

Я так и ахнул (про себя, конечно). Единственное, что пришлось бы мне приобрести, это лампы к передатчику: 6 ламп (три комплекта) по 60 рублей каждая. Это цена пони-

женная, по которой лаборатория может мне продать эти лампы. Все остальное (кроме умформера) даст лаборатория в бесплатное пользование. Бонч-Вруевич спросил: смог бы я сейчас же поехать в Нижний Новгород для того, чтобы практически ознакомиться с передатчиком? Он мне, очевидно, принял за официального представителя Морского ведомства. Тут мне пришлось идти на попятный и отсрочить это дело. Я базировался (самозванно) на том, что, дескать, Морвед «принципиально согласен» в то время, как на самом деле я никакого согласия не имел, и никто меня не уполномочивал. Я попросил разрешения провести «окончательные» переговоры, что мне и было разрешено. Имея уже такие конкретные предложения лабораторией, можно будет поговорить с Гидрографией.

«После этого я тут же отправился в Ленинград в Гидрографическое управление, где заявил: «Руководитель Нижегородской лаборатории профессор Бонч-Вруевич хочет поставить опыты с короткими волнами в Арктике. Дело только за вами. Если морское ведомство даст место, то Бонч-Вруевич даст аппаратуру». Таким образом я связал для общей пользы два учреждения, хотя мне никто этого не поручал, и никто меня об этом не просил. Думаю, что этот небольшой обман простителен. В дальнейшем дело пошло уже совсем хорошо: появились первые официальные бумаги, началась переписка.

Затем я отправился в Нижний Новгород, где ознакомился с аппаратурой, бесплатно предоставленной радиолaborаторией, и после этого уехал в Архангельск. Там меня встретил, как помянутого, так как я говорил, что при помощи этой маленькой радиостанции можно будет связаться с Москвой, Ленинградом, а также с радиостанциями вне Союза. В то время в Архангельске не было даже коротковолнового приемника.

На гидрографическом судне «Таймир» благополучно добрался до

Полярная обсерватория Маточкин Шар на о. Новая Земля.

места зимовки. Опять та же самая радиостанция на Новой Земле.

«...Проводя опыты впервые в полярной области и не имея никаких указаний, нельзя было заранее наметить какой бы то ни было план работы. Предполагалось держать ежедневную связь с Нижегородской радиолaborаторией. Осенью 1927 года любительских передатчиков было вообще не так много, а в северном районе Союза их вовсе не было. Для суждения о пригодности коротких волн требовалась регулярная и ежедневная связь.

Первым регулярным корреспондентом явился Нижегородская радиолaborатория. К сожалению, связь с ней длилась только полтора месяца (ноябрь-декабрь). Маточкин Шар в Нижнем Новгороде принимался плохо, и к январю связь прекратилась.

В конце декабря 1927 года при архангельской радиостанции (RGE) был установлен коротковолновый передатчик мощностью в 10 ватт. Так как вся корреспонденция Маточкина Шара шла в обоих направлениях через Архангельск, то заврадио Архангельска любезно согласился вести текущий обмен при благоприятных условиях и на короткой волне.

С января по июнь связь с Архангельском была превосходной. Интересно отметить, что в некоторые дни не удавалось связаться с помощью искрового передатчика, в то время как прохождение на коротких волнах было хорошим. Правда, случались перебои и в коротковолновой связи. В месяц так бывало 3—5 раз.

Третьим ежедневным корреспондентом являлся тов. Михайлов — начальник радиостанции острова Диксон. Маточкин Шар и Диксон находятся почти на одной широте, и таким образом осуществлялась связь между двумя полярными районами, расстояние между которыми было более 1000 км. Михайлов лично

* Н. А. Никитин (профессор), возглавлял Московское бюро НРЛ, работа которого продолжалась до перевода лаборатории в Ленинград.

собрал свой микропередатчик на 4 лампах и приступил к регулярной работе 23 января.

Ограниченные запасы жидкого топлива не позволяли работать более 20—30 минут в сутки. Большая часть этого времени уходила на связь с постоянными корреспондентами, а оставшаяся — на связь с радиолюбителями.

Первая коротковолновая радиостанция в Арктике, несомненно, должна была стать для радиолюбителей объектом яростной охоты. Позывной станции пришлось изобретать самому. Пользоваться официальным позывным Маточкина Шара не представлялось возможным, так как коротковолновая установка была опытная и нигде не зарегистрированная.

Решил для позывного взять буквы «PGO» — полярная географическая обсерватория.

«Всем, всем, всем — я PGO...» Однако первый ответ пришел не сразу. Только после нескольких вызовов услышал свой позывной. Кто-то меня звал, но слышно было отчаянно слабо. От радости я так разволновался, что принял лишь половину позывного... И все-таки я чувствовал себя обязанным разыскать этого полупознанного мною корреспондента. Послал радиogramму в редакцию радиожурнала. Через неделю пришел ответ. Моим собеседником был бакинский радиолюбитель.

Слышимость любительских передатчиков резко колебалась. В некоторые вечера любители «наезжали»

друг на друга, и трудно было выделить принимаемую станцию, в другие же вечера — приемник находился под подозрением «неисправности», так плоха была слышимость.

Ограниченное время работы передатчика не давало возможности произвести опыты на других волнах, по той же причине не приходилось участвовать в тестах. Крайние пункты, с которыми была установлена связь, следующие: «Малыгин» у Шпицбергена, Фарерские острова, Бристоль, Париж, Орлеан, Рим, Каир, Будапешт, Мосул, Ташкент, Тбилиси, Баку, Омск, Томск, Иркутск, Диксон».

(Продолжение следует)

3. QSO с «антиподом»

«После второй зимовки на Маточкин Шаре (1927—1928 гг.) несколько месяцев работал радистом на гидрографическом судне «Таймир». Совершил большой рейс по маршруту: Белое море — о. Колгуев — устье Печоры — проливы Маточкин Шар и Югорский Шар — пос. Маррсаале — о. Вайгач — м. Канин Нос — Архангельск.

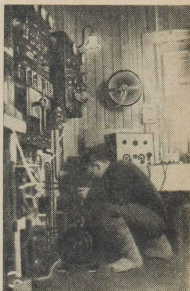
После этого отправился в Москву и поступил радистом в Научно-исследовательский институт связи в Сокольниках. Работая там, все время интересовался предстоящими полярными экспедициями. Вскоре мое желание снова попасть в Арктику было удовлетворено — я был зачислен радистом экспедиции, целью которой была постройка в архипелаге Земли Франца-Иосифа самой северной в мире радиостанции. Кроме научных исследований, станция должна была в будущем обслуживать перелеты через океан из Европы в Америку. Экспедицией этой руководил Отто Юльевич Шмидт.

Помнится первое знакомство со

Шмидтом. В Ленинграде на Съездской улице в помещении Института по изучению Севера зимовщик, отправляющийся на Землю Франца-Иосифа, в большой комнате ожидал Шмидта. Мы пугали Отто Юльевича с наскоком труда Шмидтом. Думали, что это один и тот же человек. Открывается дверь, и входит знакомый нам Самойлович* вместе с товарищем в чесуечном пиджаке с внушающей доверие бородой. Это и был Отто Юльевич Шмидт...

Я отправился в Архангельск в товарном вагоне, который был прицеплен к пассажирскому поезду. В вагоне было экспедиционное имущество и около десятка собак. Было грязно и пыльно. Когда мы подъезжали к Архангельску, у меня случился первый острый приступ аппендицита. Прямо с поезда был отправлен в больницу, где пролежал сутки. Выслушав успокоительные заверения товарищей: «Ты не волнуйся, уже подыскивают другого радиста», — оттуда удрал.

20 июля 1929 года ледокол «Георгий Седов», имея на борту дома

1929 год. Э. Т. Кренкель на радиостанции Земли Франца-Иосифа.

радиостанция. В тот же день ледокол «Георгий Седов», забрав строительных рабочих, ушел в Архангельск.

Началась регулярная работа станции. На станции имелся только коротковолновый передатчик мощностью 250 вт. Передатчик был разработан и выполнен на заводе им. Козицкого. Питался он током в 1000 периодов от умформера, который в свою очередь питался от динамомашин постоянного тока, которая приводилась в движение керосиновым бензиновым мотором в 5 л. с.

Связь поддерживалась регулярно утром и вечером на волнах 40-метрового диапазона с ближайшей коротковолновой радиостанцией, расположенной в 700 км от бухты Тихой на Маточкин Шаре. Зимнюю половину года связь была хорошей, а летнюю же значительно ухудшалась. Полярная ночь длится на широте бухты Тихой 128 суток — с 19 октября по 24 февраля.

Памятен день 12 января 1930 года, когда была установлена двусторонняя связь с американской экспедицией адмирала Барда — первая связь между самой северной и самой южной радиостанциями мира — почти от полюса до полюса.

Вот как это произошло. После обычной работы с Маточкинским Шаром, в 11.40 московского времени я дал общий вызов на волне 42 метра.

Дата	Содержание	Текст радио полностью.
11.12.29	RPX wfa (1000 периодов) qsa & 10g4?	1000 periods qsa & 10g4?
11.12.29	RPX wfa OK thanks a lot for the message just now. I will call you again later.	thanks a lot for the message just now. I will call you again later.
11.12.29	RPX wfa OK thanks a lot for the message just now. I will call you again later.	thanks a lot for the message just now. I will call you again later.

Запись в аппаратурном журнале Э. Т. Кренкеля, сделанная 12 января 1930 года во время связи с американской экспедицией адмирала Барда. Расстояние между корреспондентами было более 20 000 км. Перевод с английского:

11.12.29 RPX wfa (1000 периодов) qsa & 10g4?

11.12.29 RPX wfa OK thanks a lot for the message just now. I will call you again later. — русская полярная станция на Земле Франца-Иосифа, остр. Гукера. Бухта Тихая pse qsa?

11.12.29 RPX rok hi qsa & to qsa 5 gw here om — думаю, что мы с вами находимся настолько далеко друг от друга, насколько это возможно. Здесь, под снегом, «Малая Америка». Антарктика, лагерь антарктической экспедиции Барда. Ваши сигналы слышны отлично. Часто ли вы бываете на этой волне? Не слышал нас раньше, но рад иметь связь с вами сейчас. Имеете ли новости о некоем самолете Эйлсона и Бормана? Здесь прекрасная летняя день, температура около точки таяния. Думаю у нас довольно холодно и темно?

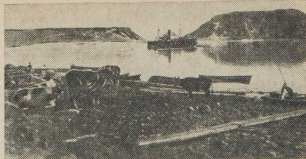
Продолжение. Начало см. «Радио», 1972, № 6, 7

* Р. И. Самойлович — директор Института по изучению Севера, известный полярный исследователь.

Тут же, не настраивая приемник, услышал, что меня зовут. Слышимость была настолько хорошей, что я был уверен в том, что буду иметь дело с какой-нибудь «ближней» станцией. Тем больше было удивление, когда я услышал американский правительственный позывной—WFA.

А вот текст телеграммы, посланной в тот день Самойловичу: «12 января 11 ч 40 мин московского времени на общий вызов ответила радиостанция главной базы зимовки антарктической экспедиции адмирала Берда. Мощность станции — три четверти киловатта, слышимость по пятибалльной оценке три балла. Наша станция работала мощностью четверть киловатта, слышимость пять баллов. Другими словами огулашничали. Географическое положение — американской станции: 78 градусов 35 минут 30 секунд южной широты и 163 градуса 35 минут западной долготы. Находятся на ледяном барьере Росса. Сообщают следующее: «Сегодня погода два градуса мороза, последний месяц преобладает значительная облачность, наступающая ночь препятствовала подъему самолетов. Суд-

Бухта Тихая. На рейде — ледовая «Седов».

но экспедиция «City of New York» вышло из Новой Зеландии и приближается к кромке льда. Скоро снимет личный состав экспедиции, состоящей из 42 человек. Экспедиция располагает тремя самолетами, ездовыми собаками. Недавно возвратилась санная партия, прошедшая четыреста миль. Полгода назад была полосу шестидесятиградусных морозов по Цельсию». Перекрытое расстояние равно 20 028 километрам. Связь продолжалась свыше часа».

«13 января в 12 часов имел повторную связь с WFA. Нас приветствовал метеоролог Гаррисон и пилот Бернат Вальчен, который в 1925 году летал на помощь Амундсе-

ну. Так как слышимость была всего три балла, да и то с помехами, мы перешли с английского на немецкий язык, которым я владел лучше. Радиостанция говорит, что двадцать лет тому назад он жил в Берлине. Связь длилась около часа. Я принимал на свой собственный, плохенький двухламповый приемник. Надо полагать, что атмосфера за эти сутки была чрезвычайно стабильной. Но в дальнейшем уже не повезло. Сколько раз я ни звал WFA ежедневно в продолжение двух недель, все было безрезультатно».

4. На дирижабле «Граф Цеппелин»

«...1930 год. Мой поллярный пыл не остыл по возвращении в Москву (выражение конечно не точное, правильное было бы сказать: «мой поллярный холод не потеплел», но я знаю наверняка, что существует дополнительный поллярный пыл).

Вернувшись в Москву, стал работать заведующим радиостанцией «Общества друзей радио». Я скучал по Арктике и всю зиму бомбардировал профессора Визе * письмами о предстоящей экспедиции. В январе 1931 года получаю от него письмо о том, что, возможно, летом состоится полет немецкого дирижабля «Граф Цеппелин» в Арктику. Полет организуется Международным обществом Аэроарктики. Не верилось в возможность такого счастья: попасть в Арктику на дирижабле и осмотреть ее сверху! Мою кандидатуру поддерживал Отто Юльевич Шмидт.

После многих волнений и ожиданий дело уладилось, и я был назначен в полет. От Советского Союза в экспедиции участвовало четыре человека: профессор Самойлович, профессор Молчанов, инженер-дирижаблест Ассберг и я — в качестве радиста.

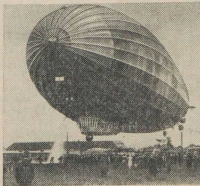
В июле вместе с Ассбергом отправились в Германию.

* В. Ю. Визе — известный поллярный исследователь и ученый.

Впервые был за границей. Прибыв в Польшу, решил, что я попал в окружение генералов польского штаба. Конфедераты таможенников для чего-то окованы блестящей медью. Роскошные усы, лаг шпир и с треском золочащиеся сабли...

Тамженный осмотр прошел быстро. Было у нас с Ассбергом в руках 25 долларов. Для того, чтобы не тратить валюты, мы плотно пообедали и закупились папиросами на последней нашей советской станции. Тем более было обидно, когда вышла старушка и на польском языке обратилась к нам с просьбой заплатить за пользование уборной.

Благополучно добрались до Бер-

1931 год. Дирижабль «Граф Цеппелин».

лина, где пробыли несколько дней и направились на базу дирижаблей. Она была расположена на юге Германии, на Боденском озере. В первый же день на базе состоялся банкет, на котором присутствовало 14 человек. Меня, как гостя, также пригласили, хотя я был только радистом. Не следует забывать, что даже главный инженер-механик «Цеппелина» не был приглашен. На банкете были «сам» Эккнер и профессора — участники экспедиции. Были там Смит — начальник американской ледовой патрульной службы и американский миллионер Линкольн Эльсворт, который субсидировал все экспедиции Амундсена. По совети сказать, я думаю, что миллионеры выглядят иначе. Мой костюм и ботинки были определенно лучше и свежее, чем у Эльсворта.

Это был первый в моей жизни банкет. Передо мной поставили груду всяких тарелок, тарелочек, вилок, вилок, ножей и ножицков. В Москве одна знакомая мне советовала: если попадешь на банкет, бери приборы в порядке последовательности с правой стороны. Тем не менее пришлось посмотреть на моего соседа — шведского ученого, чтобы не ошибиться. Но я заметил, что он тоже хромает по этой части и сам с тоской смотрит на меня. В конце концов плюнули на это дело и ели

Столовая на дирижабле.

для того, чтобы насытиться, а не для того, чтобы соблюдать правила. После банкета отравились осматривать дирижабль.

О тщательности радиооборудования говорить не приходится. Радиорубка непосредственно примыкает к командной рубке и занимает площадь в шесть квадратных метров. Само оборудование радиостанции состоит из телефонно-телеграфного длинноволнового передатчика в 150 Вт и коротковолнового передатчика в 50 Вт, длинноволнового приемника — 6-лампового нейтродина и коротковолнового — 7-лампового. Отдельно, в самом носу корабля, находится пеленгатор. Имеются три антенны: две для коротких и одна для длинных волн. Антенны выпускаются наружу и убираются внутрь дирижабля при помощи электрических вышек.

На следующий день в четыре часа утра, не выпавшись, сделали пробный полет над Боденским озером. 4 июля 1931 года отправились в путь: Фридрихсхаген — Берлин — Ленинград. В Ленинграде была организована торжественная встреча. Немцы восхитились четкой работой команды, принимавшей дирижабль. И действительно — наша команда работала куда лучше, более четко, быстро и организованно, чем немецкая. Через 15 часов двинулись дальше на север. Маршрут был таков: Ленинград — Архангельск — Земля Франца-Иосифа — Северная Земля — м. Челюскин — о. Диксон — м. Желания — вдоль Новой Земли на юг — Архангельск — Ленинград — Берлин.

«...Прием на длинноволновом приемнике очень хороший, помех от пяти моторов дирижабля совершенно нет. К сожалению, этого нельзя сказать о приеме на коротких волнах. Пять моторов с общим количеством в 60 свечей зажигания создают постоянную шумовую завесу. Правда, убирая или выпуская антенну, можно было находить относительно спокойное место, но все же нужно было иметь громкость приема не ниже 6 баллов для того, чтобы обнаружить работу радиостанции.

По полученным в Москве сведениям, в дни перелета эфир кишел вызовами «Deppe», на всех «возможных и невозможных» волнах. Но, за исключением тов. Ситникова (Москва, EU12 nf) никто, к сожалению, не сможет получить QSL арктического полета дирижабля «Граф Цепелин».

На борту имеется три радиста. Круглосуточная вахта не удовлетворяет требованиям службы погоды. Несколько раз в сутки ведется одновремениый прием на трех приемниках. Принимаются длиннейшие метеорологические сводки от всех главнейших радиостанций мира, а по этим сводкам 4 раза в сутки составляется подробнейшая карта погоды. Именно эта карта во время полета является решающим фактором при выборе маршрута дирижабля. Только великолепно поставленной радиометеослужбы можно объяснить те рекорды, которые были достигнуты дирижаблем «Граф Цепелин».

Вся экспедиция длилась 104 часа. Было пройдено 13 тысяч километров.

...В 1932 году Эрнст Теодорович был назначен вторым радистом на ледокольный пароход «Александр Сибириков».

«28 июля из Архангельска отплыл ледокол «Сибириков», на борту которого находилась экспедиция Всесоюзного арктического института под начальством О. Ю. Шмидта. Экспедиции было дано задание пройти Великим Северным морским путем из Архангельска до Владивостока вдоль северного побережья Союза через Берингов пролив. Нужно было совершить этот путь в один навигационный этап (без зимовки) и тем самым доказать возможность сквозного плавания судов в одно лето.

...Отправляясь в такую дальнюю экспедицию, нам, радистам «Сибирикова», нужно было расширить и улучшить аппаратуру ледокола. Радиооборудование его состояло из длинноволнового передатчика «Телефункен», телефонного передатчика Маркони, обычного аварийного передатчика, работающего на аккумуляторах, и, наконец, коротковолнового передатчика. Радистов было двое — неоднократно зивовавший на полярных станциях и участник всех полярных экспедиций на ледоколе «Георгий Седов» Евгений Николаевич Гершевич и я.

Радиосвязь за время экспедиции была тяжелой. Главная причина — малочисленность радиостанций вдоль северного побережья Союза.

В числе других участников экспедиции на «Сибирикове» Э. Т. Кренкель был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

ТЕХНИКА ПРЯМОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЖДЕТ ЭКСПЕРИМЕНТАТОРОВ

(Окончание. Начало на стр. 10)

мостообразные RC фазовращатели обеспечивают на крайних участках 80-метрового диапазона (3500 и 3850 кГц) фазовую погрешность не более 1,7 электрических градусов, чему соответствует подавление нежелательной боковой полосы около — 30 дБ. В середине диапазона и на всех остальных диапазонах теоретически достигаемое подавление лучше.

Поскольку подобный трансивер не содержит ни одного кварцевого резонатора и высокочастотного фильтра, создание его может быть доступным многим радиолюбителям. Как показала практика, постройка и налаживание фазовых возбуждений весьма несложны, а их эксплуатационная надежность достаточно высока. Например, фазовый возбуждатель радиостанции УР2АО эксплуатируется более 10 лет.

Однако какие же затруднения могут возникнуть при реализации этой идеи? Первое — достигаемая стабильность задающего диапазонного генератора. Из нашего опыта следует, что генератор на частоте 3,5 МГц имеет в режиме приема временную флуктуацию частоты примерно 1 гц/мин. Это можно считать удовлетворительным. Пока неизвестно, удастся ли сохранить эту стабильность и в режиме передачи. Второе — это стабильность подавления несущей передатчика на высоких частотах. Правда, появление интегральных диодных балансных и мостовых схем может, по-видимому, разрешить этот вопрос. Приведенная блок-схема трансивера, конечно, не является единственной. Например, сочетание в конструкциях обоих методов — супергетеродинного и прямого преобразования — может дать также весьма интересные результаты.

ЛИТЕРАТУРА:

1. У. Хайлард. Прямое преобразование — незаискусственно забытый метод, «QST», 1968, № 11.
2. Е. Г. Момот. Проблемы и техника синхронного радиоприема, Связьиздат, 1960.
3. Н. А. Баян, К. П. Егоров. Основы дальней связи, Связьиздат, 1948.
4. С. Бунимович, Т. Яценко. Техника любительской однополосной радиосвязи, издательство ДОСААФ, 1964.
5. И. А. Черняк, Б. Б. Штейн. Однотонный модулятор с помощью фазовых схем, Связьиздат, 1959.
6. Н. И. Чистяков. Пути и тенденции развития радиолюбительской техники, Радиотехника, 1970, № 8.

5. Поход «Челюскина»

На пароход «Челюскин», который в 1933 году отправился в ледовый поход по Северному морскому пути во главе с Ю. Ю. Шмидтом, я был взят в качестве старшего радиста. Радиоаппаратура «Челюскина» состояла из длинноволнового передатчика мощностью 500 вт, коротковолнового передатчика той же мощности и аварийного передатчика обычного судового типа. Кроме того, на борту было несколько длинноволновых и коротковолновых приемников. За несколько часов до отхода «Челюскина» (12 июля 1933 года) монтаж и установка аппаратуры были закончены.

В радиорубке «Челюскина» собралась неплохая компания. Самым младшим был Серафим Алексеевич Иванов, или Симочка, как все его называли. Несмотря на молодость (ему было двадцать четыре года), он уже успел отслужить срочную службу на флоте и побывать в Арктике. Теперь он направлялся радистом на остров Врангеля. Интересной фигурой был Владимир Васильевич Иванюк. В свои тридцать четыре года он все еще не расстался со студенческой скамьей — учился в Ленинградском политехническом институте. Это был настоящий радист-полярник, участвовавший в экспедициях на Землю Франца-Иосифа, Новую Землю, Новосибирские острова. Самым опытным, самым умелым из нас был Николай Николаевич Стромиллов. Это он так великолепно все организовал: радиорубка «Челюскина» отвечала духу времени. Аппаратура у нас была вся своя — передатчик, пеленгатор, приемник. В дальнейшем вся эта техника отлично служила нам.

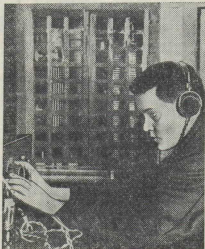
Связывало нас с Николаем Николаевичем общее увлечение: он был одним из старейших в нашей стране радиобиблиотей-коротковолновиков...

13 февраля 1934 г. Наступает срок приема Петропавловска, но он что-то не является. В радиорубке холодно, темно, так как единственное окно замерзло. Верчу ручки коротковолнового приемника, ишу Петропавловск. Дверь рубки открыта, слышны шаги, язвляющий звук снятой трубки телемафона. Вахтен-

ный штурман Марков молодым баском отдает приказание: «Подымайте пар, ожидается сжатие». Начинаются легкие толчки, сотрясение корпуса. Сжатию были и раньше. Всегда в таких случаях держали непрерывную связь с береговыми радиостанциями. Не дожидаясь распоряжения, решил связаться с берегом. Перестал слушать Петропавловск и стал звать радио Уэлена.* Люда Шрадер, бессменная радистка Уэлена, тут же ответила.

«Следите за нами, не отходя от приемника, не сходя с настроек, идет сжатие. Слушайте и следите непрерывно!» — передаю ей. В ответ слышится: «Ок ок хрш слежу непре-

Радистка Уэлена Л. Шрадер

рывно...» Уэлен говорит еще что-то, но тут «Челюскин» получает роковой удар: пулеметная дробь летящих заклопок, залпы ломающихся шпангоутов и бортов. Рубка наполнена волнующими, необычными звуками. На столе подпрыгивают карандаши, инструменты, звенят лампы приемника.

Уэлен продолжает что-то говорить, но ничего не слышу, не могу разобрать. Опять повторяю: «Следите, не уходя с настроек, не знаю в чем дело, следите!» По трапу вверх и мимо дверей бегут люди с серьезными лицами, одеваясь на ходу. Пытаюсь с телефонами на ушах кого-

нибудь окликнуть, остановить, узнать в чем дело. Никто не останавливается — все бегут на палубу, к своим местам. Наконец, кто-то возвращается. Это Грэмоз.* Заскакивает на минутку в радиорубку и сообщает: «Гнет борта, большая пробойна, течь, заливает машину!».

Уже одетый приходит радист Иванюк. С трогательной заботливостью приносит мою шапку, рукавицы, ватник и фуфайку. Начиная одеваться. На полминуты надо снять наушники, чтобы нырнуть в фуфайку. Иванюк начинает выносить заранее приготовленную аппаратуру. Входит Отто Юльевич, спокойный голосом, с обычной интонацией спрашивает о связи с берегом и пишет первую записку об аварии. Стоя за его спиной, читаю через его плечо и тут же передаю Уэлену. Уэлен принимает отлично, переспросов нет.

Является аварийная радиобригада: Новицкий, Стаханов, Румянцева, Любава и Сергей Семенов. По моему указанию начинают выносить аккумуляторы, ящики с запасными частями, складные радиометры. Каждый раз обязательно напутствуют: не ронять, складывать осторожно, подальше от корабля и трещины.

Из машинного отделения сообщают: «Даем динамо», но контрольные лампочки, медленно накаливаясь, не загораются полностью и тут же меркнут. Тока нет — разорвана паровая магистраль от котлов. Ни динамо, ни спасательные помпы работать не будут. Связь с берегом продолжается посредством крохотного длинноволнового передатчика. Он установлен наглухо, кроме того он работает от четырех аккумуляторов, которые надо вынести на лед. В рубке остается Иванюк.

Сбегаю вниз по трапу. Уже чувствуется крен на нос и на правый борт. В коридоре главной палубы ни души, необычайно светло, двери покинутых кают открыты настежь, ледового борта нет. Вместо него — многометровая громадная пробойна, очерченная свежими изломами металла. Виден лед и на нем вывалившиеся ботинки, папиросы, хозяйственная мелочь. Заглядывая в машинное отделение, там темно. Что-то блещит, должно быть вода.

* Уэлен — пессон на Чунотском полуострове.

* Б. В. Громоз — спец. корр. «Известий».

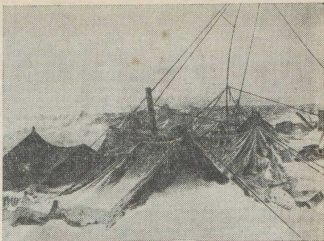
На правом борту, у кормы, стоят Отто Юльевич и капитан Воронин. Прошу их предупредить нас за несколько минут до оставления судна, чтобы успеть вынести аппаратуру, на которой еще продолжается связь. К этому времени радиобригада освободилась. По одному человеку отпускаю каждого на пять минут, чтобы выкинуть на лед самое необходимое из личных вещей. Опять в радиорубку заходит Отто Юльевич, пишет: «Вода быстро прибывает. Выгружаемся».

Начинаю снимать ламповый передатчик, он должен выручить нас на льду. Напустив Стуханова: «Эту коробку разбей лишь после того, как разобьешь свою голову». Стуханов крадущейся походкой, будто неся корзину с яйцами, уходит. Уверен — все будет в порядке.

Иванков начинает выносить вещи, которые вряд ли даже и понадобятся. Слышная Уэллен, шаря глазами в рубке, прикидываю, что бы еще захватить. Бумага? Обязательно нужна! Карандаши? — тоже. Карманы пухнут от всякой мелочи. Винтики, шурупы? — пожалуй тоже пригодятся. Длинноволновый приемник для приема сигналов проверки времени тщательно упаковывается Иванковым.

Опять оставаю Иванкова в рубке, бегу в свою каюту. Крен значительный, в коридоре сквозняки, кто-то тащит узел с бараклом, из узла сыпется мелочь. В каюту захватываю брезентовый мешок, приготовленный со времени первого сжатия в декабре месяце. Под руки попадается бритва, не тут же мысль — пожалуй бритвы не к чему — бросаю бритву обратно в шкаф. Только вчера закончил подсчет переданных с «Челюскина» корреспондентских телеграмм. Врать или не брать эту тетрадку? Нет уж, занимаюсь нудным подсчетом, так вот, на зло всем редакциям, возьму

1934 г. Ледовый лагерь Шмидта.

эту тетрадь и смогу получить для Главсевморпути плату за радиogramмы. Тетрадь — в мешок. И как только забыл фотографии жены, ведь они были со мной на «Сибирякове»? А вот теперь пропали. Мешок отправляется на лед.

Отто Юльевич на том же месте, кругом спокойные лица, суеты нет. «Ну, можно снимать радио», — говорит мне, — только скажите им, чтобы ничего не предпринимали до нашей следующей связи. Пусть сообщат в Москву лишь содержание моих записок и телеграмм об аварии».

Работая аварийным искровым передатчиком. Вынести надо лишь приемник и парочку аккумуляторов. Даю Уэллену радиogramму: «По приказу Шмидта сейчас покидаю судно, выходя на лед. Успели спустить самолет, две шлюпки. Вынесен передатчик, следите на длинных волнах, до следующей связи ничего не предпринимайте». Связ закончилась. Сигнала «SOB» не было.

Некогда было отсоединять отдельные провода приемника. Ваяю нож, хватил их по тем самым проводам, которые так оберегал за все время нашего рейса. Аккумуляторы захвачены, приемник под мышкой, на ходу сую разные обрывки проводов в карманы — пригодятся!

Докладываю Отто Юльевичу, что связь прекращена. Уэллен, мис Северный предупреждены — будут следить за нашими сигналами. Выбираюсь на лед.

«Челюскин» стал носом погружаться с заметной на глаз скоростью. Затрещал раздвигающийся лед. Корма быстро стала подниматься. Люди прыгали пачками на лед, некоторые падали в воду, но их быстро выдергивали за руки. Уж очень высоко мелькнуло желтое пальто Отто Юльевича. «Челюскин» погружается все быстрее, корма поднимается почти вертикально, хорошо виден винт. Треск ломающихся об лед надстроек, клубы дыма, угольной пыли. Через минуту — месиво льда, бочек, шлюпок, бревен.

Сумерки упали на ледяные поля. Пурга. Шмидт объявляет переключ-

ку. Все налицо, за исключением Могилевича (завхоза), погибшего вместе с «Челюскиным».

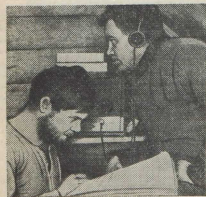
Произошло это 13 февраля в 15 часов 30 минут в 155 милях от мыса Северного и в 144 милях от мыса Уэллен.

...Люди не чувствуют ни тридцатиградусного мороза, ни семибальзового ветра. На льду вырастают бастыны из ящиков, бочек, материалов. Начинают сооружать палатки. Мне же предстоит срочно добиться связи с материком. На три топора огромный спрос, но для радио получаю топор вне всякой очереди. Радиобригада занята установкой мачт.

Ветер хлопает по полотношкам, треплет, рвет их из рук. Людей не унайти: все в долгонюлых смешных малинках, все похожи друг на друга. Наконец вырастает палатка около мачты. Начинаю вносить туда свою аппаратуру: аккумуляторы, передатчики, всякую мелочь. В углу на коленях приступаю к сборке радио. Освещение небогатое — фонарь с разбитым стеклом. Приходится работать без рукавиц. Плоскогубцы, нож, провода обжигают руки. Инердик грею одеревеневшие пальцы в рукавах, но, к сожалению, тепла так мало. Начинает не то подсыхать, не то подмерзать мокрое от пота белье, затекают колени. Нельзя даже протянуть ноги, так как палатка до отказа набита людьми.

Приемник наконец включен. Снимаю шапку, надеваю телефоны — жжет морозом уши. Вуюю реостат и по легкому звону ламп слышу: работает. Прекрасно! Вот и знакомый щелчок гелерапии. Начинаю вертеть ручкой. Ага! Работает как-то станция. И вот ирония судьбы: 104 человека находятся на льдине в мороз, в пургу, ночью, никто во всем мире пока еще не знает об их судьбе, а первое, что слышит лагерь

Э. Т. Кренцель (справа) и С. А. Иванов принимают радиogramму.

Шмидта, — это веселый американский фокстрот!

Продолжаю вертеть ручку приемника. Слышу, как Уэлен спрашивает у мыса Северного: «Не обнаружил ли ты сигналов «Челюскина»? Между собой они распределяют ночное время для того, чтобы вести непрерывное наблюдение за эфиром. Пускаю передатчик и начинаю звать береговые станции. Передатчик работает исправно, лампы горят хорошо, как будто все в порядке. Зову в продолжение нескольких часов, но мне не отвечают. Оказывается, впопыхах и в темноте была сделана чересчур короткая антенна. Получается такая волна, которую береговые станции наверняка не слышат.

Чуть начинает рассветать, поднимаю радиобригаду. Удлиняю антенну... Теперь наша волна 450 метров, нас должны услышать.

Слушаю, зову. Слышна работа Уэлена, мыса Северного. Проходит час за часом, аппаратура вся в исправности. Изредка докладываю Отто Юльевичу об услышанном.

Проходит полдня. Сажаю за приемник Иванова, сам устраиваюсь у камелька. Ноги в тепле, но голова и спина мерзнут. Начинает клонить ко сну. Иванов однообразно стучит ключом. Кругом тихо, все работают на

месте аварии. Вдруг слышу: «Уэлен отвечает!...» — Сон как рукой сняло. Ничего не спрашиваю, кубарем выкатываюсь из палатки, кричу: «Где Шмидт?»

Люди угадывают необычное. Вперед меня к месту аварии, где все работают, катится весть: «Отто Юльевич, радио...»

Шмидт обернулся. Увидел меня, машущего руками, и вот небывалое зрелище: впервые в жизни я увидел, как Шмидт бежит. Пробежал мимо меня, я за ним; запылавшись, на четвереньках влезает в радиопалатку. Даю Шмидту журнал. Он и тут остается верен себе. Первые его слова: «Товарищи! У меня большая радиодиаграмма. Может ли Уэлен подождать, пока я буду писать?».

Через десять минут идет радиодиаграмма правительству за номером один:

«№1. 14 февраля в 4 часа 24 минуты московского. Аварийная, правительственная. Москва, Совнарком — Куйбышеву. Копия Главсевморпуть — Иоффе...»

Работаем позывными радиостанции «Челюскина». Да, но откуда радиодиаграмма? Тут рождается название — «Лагерь Шмидта»...

(Продолжение следует)

UK3R для всех на приеме...

...de UMSQAA. Г. Ростов сообщил, что он является единственным коротковолновиком в Иссык-Кульской области (033), использующим SSB. Работает он на трансивере, собранном по схеме UW3DI.

...de URGNE. А. Барбакадзе из г. Кутаиси рассказал, что в мае 1964 года он принял на свой телевизионный приемник по первому каналу устойчивое и качественное изображение программы Анхабадского телецентра. Заинтересовавшись этим явлением, радиолобитель продолжил наблюдения, и вот уже в течение 8 лет в период с 24 мая по 20 июня смотрит телепередачи из Анхабада. QRB — 2580 км. Эти наблюдения свидетельствуют о том, что на 144 Мгц вполне реальные связи между радиолобителями Средней Азии и республик Закавказья. Дело за экспериментаторами.

...de UQ2HO. В период 1967—1971 гг. UQ2HO работал позывным UA0IW с полуострова Чукотки. Наибольшее внимание он уделял связям на 10 м, где без особых трудностей устанавливал QSO с радиолобителями Амурской, Сахалинской, Камчатской областей и Приморского края. Однако за все время пребывания на Чукотке ему с трудом удалось связаться на 10 м лишь с несколькими европейскими радиолобителями. На других диапазонах лучше всего проходили станции Океании, Японии, США, но позывные радиолобителей Европы и Северной Африки и здесь почти не были слышны.

...de UA0JY. В поселке Магдагачи, который расположен в 400 км от г. Благовещенска, регулярно работает школьная коллективная радиостанция UK0JAG. Начав работу в 1968 году на 10 м, эта станция сейчас появляется в эфире на всех KB диапазонах. Операторами ее являются школьники старших классов. Сейчас в коллективе 20 человек.

6. Спасение челюскинцев

14 февраля 1934 года. В ледовом лагере Шмидта быстро налаживалась нормальная жизнь. Палатка с радиостанцией стала штабной. Здесь поселились О. Шмидт, его заместитель А. Бобров, летчик М. Бабушкин, писатель С. Семенов и мы — двое радистов. Аварийные телеграммы шли и днем, и ночью. Мы немедленно узнали об организации правительственной комиссии по спасению челюскинцев под председательством В. В. Куйбышева.

Шквал всяких запросов и уточнений обрушился на Люду Шрадер и с Большой Земли, и из лагеря. От этой молодой девушки зависела наша судьба, успех спасательной операции. Два месяца она несла кругосуточную бессонную вахту! Когда она спала? Как выдержала?

В основном мы работали с радиостанцией Уленуа, реже с мысом Северный (ныне м. Шмидта). Помимо служебных телеграмм, регулярно принимали Хабаровск и были в курсе международных событий. Каждый вечер закусывали аппаратный журнал * кочевал из палатки в палатку, ходил по рукам и прочитывал вслух. Но ни одной частной телеграммы из лагеря так и не было отправлено: нужно было экономить энергию наших аккумуляторов...

В первые дни палатка была оборудована совсем плохо. Аккумуляторы стояли, едва прикрытые войлоком. Палатка оказалась настолько низкой, что стоять в ней было совершенно невозможно. Посреди — камелек. Труба выведена прямо вверх.

24 февраля. Палатка переоборудована. Мы вырыли в снегу яму до самого льда (приблизительно на полметра), на лед положили люк-выщип от трома погибшего «Челюскина», у задней стенки палатки сделали узенький столик из неструганых досок; под столом в углу стояли аккумуляторы, а на столе — передатчик и приемник. Этот стол был священным местом, и я всегда страшно огрызался, если кто-нибудь пытался ставить туда кружки с чаем или консервные банки.

...По установленному порядку вставать надо было к шести часам утра. Это был час первого разговора нашей радиостанции с Уленуа.

В половине шестого, ежась от холода, первым обыкновенно вставал Иванов. В палатке температура за ночь всегда падала и к утру почти равнялась наружной. Иванов разжигал камелек, ставил на огонь самодельное ведерко с кусками льда, чтобы приготовить воду. Вторым за три-четыре минуты до шести часов вскакивал я. Сразу же садился за передатчик. Уленуа был всегда точен, так что вызовов повторять не приходилось.

Мы сообщали местоположение лагеря и обменивались утренними сводками погоды.

Все это в тихие, так называемые летние дни. В летние дни отдыхать не приходилось. Я и обедал урывками, между двумя переговорами, часто не снимая наушников с головы. Связь держал каждые четверть часа, до позднего вечера или до того момента, когда с берега сообщали, что по тем или иным причинам вылет откладывается. Случалось и так: нам сообщали о вылете самолета. Женщины и дети одевались, шли на аэродром. Но за время, пока они

В кабине самолета размещалось 3—4 человека. Еще 2 — помещались в парашютных футлярах, подвешенных к крыльям самолета.

находились в пути, в лагерь поступали сведения, что самолет вернулся. Потом мы стали осторожнее: после сообщения о вылете самолета ждали еще полчаса.

Однажды Шрадер вызвала меня вне расписания:

«Кренкель, ты давал сейчас SOS?»

«Нет, а в чем дело?»

«Сейчас какой-то американец давал твоими позывными сигнал SOS и знак вопроса».

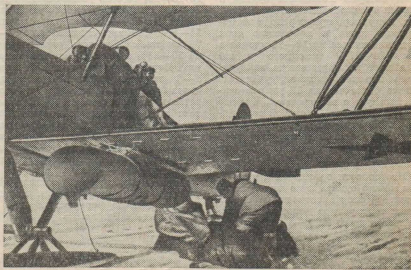
Очевидно захотелось ему шикнуть в эфире — под тем или иным предлогом дать сигнал бедствия, хотя бы со знаком вопроса. Люда вызвала этого американца. Он ответил. Она заставила его ждать и снова запротоколировала меня. Я сказал ей:

«В лагере по-прежнему все спокойно. Никаких сигналов бедствия никто не давал. Передай услужливому паникеру пару теплых слов...»

...Москву все время очень интересовало состояние нашей радиостанции. Особенно волновало, надолго ли хватит энергии аккумуляторов? Я неизменно отвечал: «На 10 дней». Это был гарантийный срок. «Забыв» о нем, я в течение двух месяцев передавал: «Хватит на 10 дней».

Почти каждый день получали 200—300 слов информации ТАСС о делах в Союзе, а также о важнейших политических событиях во всем мире.

Ночью температура падала ниже нуля. Утром, когда горел камелек, аппаратура «потела» и покрывалась

* Продолжение. Начало см. «Радио», 1971, № 6, 7, 8 и 9.

* В настоящее время аппаратный журнал «Челюскин» находится в Музее Революции в Москве.

копотью. Это были самые обыкновенные приборы, при их конструировании, конечно, не были учтены специфические лагерные условия, и аппаратура иногда пыталась «бастовать». Приходилось разбирать приборчик, осторожноенько его вытирать и сушить около камелька.

7 апреля. Наконец наступили решающие дни. Ванкарем* сообщил, что в лагерь вылетают сразу три самолета: Слепнева, Молокова и Каманина. Слепнев сказал: «Буду в лагере через 36 минут».

Я удивился такой точности и посмотрел на часы... Через 37 минут на горизонте показался самолет Слепнева. С большой скоростью он приближался к лагерю. Сделав крутой вираж, долго кружил над аэродромом, рассчитывая посадку. Все же самолет Слепнева, имевший чудесную посадочную скорость, проскочил весь аэродром и повредился в торосах.

Минут через двадцать после прибытия Слепнева на горизонте показались еще два самолета: Молокова и Каманина. Я передал в Ванкарем сообщение об их успешной посадке.

Ночь с 8 на 9 апреля. Произошло сжатие, значительно более сильное, чем то, которое погубило «Челюскин».

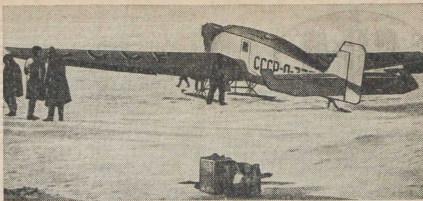
Вихатный разбудил весь лагерь. Со сна я не понял, в чем дело. Полагалось проснуться уже при дневном свете, а тут меня разбудили в крошечной тьме. Долго бормотал спросоны будишему меня Ушакову, что вихатный должно быть ошибся, работать еще рано и я хочу спать. Но слово «сжатие» быстро привело меня в себя. Кто-то спросил меня:

«Дашь ли ты сейчас сигнал бедствия?»

А зачем мне было давать сигнал бедствия, когда он вообще ни разу не давался экспедицией Шмидта?! Оденвшись, я вышел из палатки. Ледяной вал приблизился к радиомачте. Пришлось срочно переносить ее в другое место.

В шесть утра, по расписанию, стали работать с Ванкарем. Ни минуты опоздания! Бедь каждое промедление волновало товарищей, находившихся на берегу.

9 апреля. Сжатие повторилось с той же силой. Был сильный ветер: семь, а временами восемь баллов. Пурга. Снегов метущий снег угадывалось, что наверху солнце. В Ванкареме в это время была ясная,

Самолет И. Доронина в ледовом лагере Шмидта.

тихая погода, и оттуда сообщали нам: «Сейчас к вам вылетают самолеты».

Соображаю, что при таком ветре (тем более, что опять началось сжатие и ночью разрушило один аэродром) самолет принять невозможно. Решаю побеспокоить больного Шмидта. Не размазывая все это дело, говорю:

«В Ванкареме ясная погода. А у нас самолет сейчас принять невозможно. Разрешите отставить на сегодня прилет самолетов?».

Шмидт кивает головой. Сообщаю в Ванкарем:

«Отставить на сегодня по расписанию Шмидта полеты в лагерь».

А лед гудит, трещит будто под ногами. Хочется поскорее выскочить, быть где угодно, только не в темной палатке. Приходится приложить огромное усилие воли, чтобы Ванкарем не догадался по нервною моей работе, что у нас не все благополучно. Кончаю разговор словами: «Самолетов не надо. На лагерь надвигается вал».

После этого вместе с Ивановым выскакиваем из палатки и раздетые спешим к мачте. Подбегают еще два товарища. Лыдину, на которой стояла мачта, напором вала вдавило в воду. Уже шлепая валенками по воде, подхватываем мачту и в последний момент перетаскиваем ее в надежное место...

Начиная с 10 апреля, открылось «регулярное» пассажирское сообщение: лагерь Шмидта — Ванкарем. 12 апреля нас осталось на льдине шесть человек.

13 апреля. Ночью почти не спали. Каждые пять минут высказывали посмотреть — не подведет ли погода. Лишь начал брезжить рассвет, связались с Уэленом: «Ну, как?», Мы имели непрерывную информацию:

«Летчики проснулись... Вылезли из спальных мешков... Курят... Моторы греются». И наконец: «Самолет Водолянова вышел к вам».

Но проходит положенное время, и нас огорчают известием, что из-за дымки и плохой видимости летчик не нашел лагерь и самолет вернулся. А вскоре новая весть: «Идут три самолета».

Последний сигнальный костер был поистине парадным! В огонь летели спальные мешки, огромные ящики с папиросами «Казбек». И вот в привычном месте на горизонте показались долгожданные точки самолетов.

Пора заканчивать связь: «Людочка! Спасибо за все. Самолеты благополучно сели. Прекращаю связь». По международному коду даю: «Всем, всем, всем... К прекращению ничего не имею, прекращаю действие радиостанции». Медленно три раза повторяю: «РАЕМ!» «РАЕМ!» «РАЕМ!». Это позывной «Челюскина», он же служил позывным лагеря Шмидта. Я еще не знал, что скоро он станет личным позывным, который будет мне присвоен как радиолобителью за то, что я не опозорил его и не послал сигнала бедствия.

Делаю последнюю запись в аппаратном журнале: «Передачик снят 02.08 московского времени, 13 апреля 1934 года».

Обрезаю провода приемника и передатчика. На миг комок подкапывает к горлу; нет, это не так просто одним движением оборвать нить связи с Большой Землей, которая была для нас нитью жизни.

Лагерь Шмидта умолк...

Так закончилась Челюскинская эпопея. В спасении горстки советских людей участвовала вся страна. Родина приняла все меры, чтобы вырвать их из ледового плена. И стихия отступила.

(Продолжение следует)

* Поселок, из которого самолеты совершали полеты в лагерь Шмидта. Радиостанция на центральной базе Ванкарема была Е. Сидор, ныне полковник авиации, заместитель Томского политехнического института.

7. На мысе Оловянный

17 июля 1935 года газета «Правда» писала: «В Архангельск прибыл бывший радист экспедиции Челюскинцев и лагеря Шмидта Эрнст Кренкель, назначенный начальником зимовки на мысе Оловянный (арх. Северная Земля). Вместе с Кренкелем на зимовку едут метеоролог Кремер, радист Голубев и моторист Мехренгин». В связи с тем, что в середине 30-х годов уже осуществлялась регулярная проводка караванов судов по Северному морскому пути, было принято решение о постройке полярной станции на мысе Оловянный в проливе Шокальского, соединяющем Карское море и море Лаптевых. Полярники должны были сообщать ледовую обстановку в этом районе, проводить метеонаблюдения. 25 августа ледокол «Сибиряков» подошел к мысу Оловянный и высадил зимовщиков.

15 сентября. Площадь нашего дома — 40 квадратных метров. Чтобы здесь было просторней, воздержались от устройства всяких перегородок. Половину дома занимает кухня, двухъярусная спальня, ледник, печка, а остальную площадь — приборы для научных исследований, радиостанция, продукты.

26 октября. Вчера на мысе Оловянный наступила полярная ночь. Она продлится четыре месяца. Солнце мы увидим снова лишь 19 февраля. Закончили проводившиеся в течение месяца ежедневные наблюдения за режимом прилива и отлива и течений в проливе Шокальского.

5 ноября. Все вместе живем в одной комнате. Поэтому не приходится созывать общих собраний. Все новости обсуждаем в дружеской беседе за столом. Нас сильно интересует все, но две темы пользуются особой популярностью: развитие Северного морского пути и генеральный план реконструкции Москвы.

8 марта 1936 года. Гидрологические наблюдения мы ведем в двух километрах от берега, в специально построенном брезентовом доке. Во льду сделана прорубь, где берется пробы воды и измеряется скорость течения. Температура воды подо льдом оказалась минус 1,53 градуса. На глубине 190 метров вода теплее —

минус 0,99 градуса. Такие температуры не свойственны Полярному бассейну. Налицо доказательство того, что сюда приходят теплые атлантические воды.

1935 год был годом начала стахановского движения. Зимовщики мыса Оловянный внимательно слушали передачи выступлений на Первом съезде стахановцев и решили не отставать от своих соотечественников. Но как это сделать? Родился проект — силами четырех зимовщиков обслужить две полярные станции. Для этого Э. Т. Кренкель и Мехренгин должны были быть перероблены самолетами на законсервированную ранее зимовку на острове Домашний, а Кремер и Голубев — продолжать работу на мысе Оловянный. Для этого прежде всего надо было освоить смежные профессии и сконструировать компактный передатчик. Эрнст Теодорович стал постигать премудрости метеонаблюдений и делиться секретами кулинарного искусства с Кремером, а Голубев изучал двигатель и сконструировал радиопередатчик с питанием от ручной динамомашины. К середине марта приготовления были закончены. Наступил день перелета.

22 марта. В 7.30 мск нам сообщили о вылете двух самолетов, а через пять минут мы уже слушали работу самолетной радиостанции. Немедленно стали собираться. Все заранее было обдумано и приготовлено, поэтому сборы прошли очень быстро. Весь груз — 200 килограммов радиооборудования и 200 продовольствия — был уже на аэродроме, оставалось отнести только мелочи.

Вещи нам помогали нести Кремер. Вместе с ним выгнали из больших ящиков на аэродроме наш груз, а Мехренгин занялся приготовлением пищи. Минут через 15 оказались самолеты. Первым, как обычно, на посадку пошел Линдель, затем Батура.

Холодно. Температура упала до 38 градусов ниже нуля. Лечкини не останавливают моторы. Мы торопимся грузить на самолеты аварийный запас, палатку, сани, разное снаряжение. Места для груза уже почти не остается, а надо взять еще ящик консервов и немецкую овчарку. Приходится выбирать: консервы или собаку. Жаль оставлять Грейфа,

но после короткого раздумья решаю взять консервы.

В 9 часов 45 минут по московскому времени вылетаем на острова Сергея Каменева. Я летел на самолете Линделя (Н125). В кабине были трое: начальник авиагруппы Петров, бортмеханик Игнатьев и я. Так как работал по радио и аппаратура была у меня за спиной, то мне пришлось развернуться лицом назад. Тесно, ноги затекают, ничего не видно, да и занят работой. Все же наш домик видел. Малосенькое, светложелтое пятнышко на снегу, а наша гора сверху выглядела совсем не такой величественной.

Выпустив антенну, быстро связываюсь по радиотелефону со станцией мыса Оловянный. «Молнией» сообщая Управлению Северного морского пути о нашем перелете. Наш самолет вызывают несколько станций. Радиостанции предлагают свои услуги по связи с матерком. Последовательно разговариваю с мысом Челюскин, островом Русским, островом Уединения. Узнаю: начальник полярной станции мыса Челюскин Рузов пришел в радиорубку, чтобы проследить за нашим полетом.

Второй самолет (Н124) идет близко от нас. Пассажиром летит Мехренгин. На коленях у него оригинальный груз — три литра крепкой кислоты для аккумуляторов. Летим хорошо. Справа — ледяные купола Северной Земли сливаются с бледным небом. Слева — льды Карского моря. Через полчаса часа после старта мы видим вину острова Каменева. Радостно бьется сердце: все хозяйство сохранилось — домик, склады, радиоматериал, метеорологические будки! С высоты они похожи на картонный макет.

Петров незаметно хмурится: вокруг острова Домашнего, на котором стоит дом, нагромождены торосы, нигде нет ровной площадки. Но Линдель смеется и громко кричит: «Все равно сидим, на остров садим».

Даво радиогамму на мыс Челюскин! «Мы на аэродроме Домашнего. Есть домик. Смятаю антенну. Идем на посадку!» Несмотря на боковой ветер и перегрузку машины, Линдель идеально приземляет самолет. Так же удачно делает посадку и самолет Батуры. Вылезает. Вокруг — много собачьих следов. Это

Продолжение. Начало см. «Радио» № 6—10.

заставляет нас проверить свои револьверы: кто знает — не охидили ли 12 собак, оставленных здесь в августе 1934 года?

До дома — 4 километра. Отправляемся туда втроем. Вокруг дома — двухметровый снежный сугроб. Дверь в холодную пристройку раскрыв. Отдираем дверь, разгребая досками вход. Через разбитое окно проникаем в занесенную снегом кухню и проходим в единственное жилое помещение. Осматриваем склады. Продовольствие уцелело, существовать на острове можно. Итак, мы остаемся. Над крышей дома поднимаем красный флаг, найденный на столе. Затем идем провизать самолеты. Тепло прощаемся с летчиками. Вот уже машины превратились в едва заметные точки на юге. Мы остаемся вдвоем с Мехренгиным...

Принимаюсь за радио. Приемник работает отлично. Я слышу, как полярные станции вызывают нас, но ответить им не могут: передатчик отсырел, не работает.

25 марта. Уже затикали часовые механизмы самопишущих метеорологических приборов, пошли заряжавшие ходики, завертелся исправленный нами флюгер. В доме поддерживаем температуру плюс 25 градусов, чтобы просушить помещение.

Посылку метеорологических сводок мы рассчитывали начать с 1 апреля, но перелет Водополюнова и Махоткина на Землю Франца-Иосифа потребовал максимального освещения метеорологической обстановки. Поэтому передавать сводки мы начали с 25 марта и с большим удовлетворением услышали, что наши данные включаются в общую синоптическую карту.

Наводим в доме чистоту. Здесь

прекрасная библиотека, но читать пока некогда. Втащили в дом гажелый двигатель, пытаемся «оживить» аккумулятор, чтобы избавиться от ручной динамомашинки — передача 100 слов требует 10—15 минут.

После величественного пейзажа мыса Оловянный наш остров Домашний — 4 километра в длину и 500 метров в ширину — производит довольно убогое впечатление. Но жить и работать здесь можно.

5 июля. Говорили с Капитохным (называли полярной станцией на о. Уединения) об Арктике. Сошлись на том, что тут имеются замечательные стороны жизни, которых на материке никак не заполучишь. Именно в силу однообразия и монотонности жизни, невольно начинаешь ближе присматриваться к себе и к окружающим людям. Получается как бы чисто лабораторная обстановка, где все можно рассматривать без всяких примесей... Лично я считаю, что самая главная прелесть заключается в чередовании жизни на материке и работы в Арктике...

Я сам себе сострял теорию об «эманации». На каждой зимовке собираются самые разнообразные люди. Постепенно с них слезает тонкий слой лака цивилизации, остается человек в «голом виде». В дальнейшем, довольно скоро, можно определить людей. Одни являются балластом для зимовки, сами ничего не дают, портят, иногда, кровь другим, являются только потребителями. Другие наоборот, настолько насыщены, полны жизнью, что не только чувствуют себя отлично, но незаметно помогают другим, создают общий тонус зимовки. Вот это я называю «эманацией», этого надо добиваться.

6 июля. Несмотря на зверские

разряды, утром прилично слышал Москву. Сегодня парад физкультурников на Красной площади. После парада, там же, на Красной площади, состоится футбольный матч и легкоатлетические соревнования. Так как на камне это проделать нельзя, то специально для этого праздника изготовлен огромный ковер из войлока, подбитого кожей! Величина — нормальные футбольные поля, а по краям — беговая дорожка на 1000 метров. Бежать будут лучшие бегуны, братья Знаменские и другие.

16 июля. Вечером с Сашей (Капитохин) разговаривали о будущем: какой станет Арктика через сто лет. Сто лет тому назад здесь было пустынно. А за последние 10 лет, главным образом, даже 5 лет, выросли 50 полярных станций. Конечно, это огромное достижение, но все же, это еще только блокуэзы, передовые форпосты, в которых отсыживается и смеет себя утверждать горсточка смельчаков. Я не собираюсь преуменьшать общего дела. За пять лет сделано больше, чем за последние 100 лет. Но все же лишь в 1932 году в одну навигацию Северным морским путем прошел «Сибиряков», а ведь этого добивалось человечество на протяжении 300 лет. Я счастливы, что участвовал в этом походе.

Техника и новые люди идут в Арктику. Я думаю, что человек, когда бы он ни жил, всегда считал свое время передовым. Чрезвычайно быстрый рост нового социалистического человека — вот объяснение наших успехов в Арктике.

А сам факт разговора с Сашей. Я — на островах Сергея Каменева (открыты всего лишь в 1930 году), а Саша Капитохин — на острове Уединения. Разделенные 200—300 километрами мы регулярно, каждый вечер беседуем по радиотелефону. Это ли не достижение? Стоит лишь вспомнить Нансена, который вдвоем провел целую полярную ночь в берлоге, сложенной из камня, в то время, как в 100 километрах к югу была прекрасная, теплая зимовка Джексона. Не было радио!!

Если радио, а его практически не было, стало применяться с 1903 года (телеграф), то ведь телефон без проводов появился уже на моих глазах. Отлично помню, как в 1924 году, находясь на Магочкинском Шаре на Новой Земле, я слушал, едва дыша, первые радиоконцерты из Москвы. Ведь еще в 1922 году в Большом театре в Москве, на сцене, были поставлены громкоговорители и артисты на автомобиле ездил за город, исполняли арию по радио, затем мчались в театр и исполняли ее со сцены. Правительство, ведущие люди страны — сравнивали, интере-

1938 год. Мехренгин (слева) и Э. Т. Кренкель на зимовке на мысе Оловянный.

Слева направо: Голубев, Кремель, Мехренган и Кремер перед отправкой на мыс Оловянный.

совались этим. Прошло лишь 14 лет, а это кажется уже давным и смешным. Что же будет через 100 лет?

Я предлагаю так: регулярные полеты через полюс, даже в полярную ночь; доставка свежих овощей и газет на все полярные станции; посещение жен; полеты в Москву — в кино, в театр. Значительное развитие автоматических наблюдательных полярных станций при помощи радио. Широкое внедрение телевидения. Но прав Капитохин, говоря, что это будет уже не через 100, а через 5 лет. Пожалуй я согласен, что для сотни лет моя программа маловата. Ведь все, насчет чего я стремлюсь, уже имеется, хотя бы в зачаточной форме.

21 июля. С 19 июля приказано давать погоду каждые три часа. Летели на покрытые дальности беспосадочного полета Чкалов, Веляков и Байдуков. Вылетов 20 июля, они шли по маршруту: Москва — Мурманское побережье — по 65 меридиану до острова Виктория — Земля Франца-Иосифа — Северная Земля — мыс Челюскина, Якутск — Петропавловск-на-Камчатке.

Будучи метеорологом и радистом в единственном числе, довольно сложно давать погоду каждые три часа. Кроме того, нам предписали вести наружное наблюдение. По очереди стояли на юру на нашем мысочке. Мы слышали работу радиостанции самолета, а в четыре часа утра он шел слепым полетом между мысом Желания и нами. У нас была низкая сплошная облачность и противная морось. Мы ничего не видели.

Узнав о благополучной посадке на острове Удд (ныне о. Чкалова), мы мысленно поздравили наших летчиков и немедленно завалились отсыпаться.

В июле оба обитателя острова Домашнего заболели цингой. Прорацивали и ели оставшийся от предыдущей зимовки горох, но и такие «витамины» не очень помогали. Все дело осложнилось тем, что ледовая обстановка в навигацию 1936 года в районе Карского моря была трудной, и ледокол «Сибиряков», который должен был бы забрать зимовщиков, отправился на ледовую разведку для каравана судов. Его прибытие в район Северной Земли задерживалось. В случае ухудшения ледовой обстановки зимовщиков пришлось бы снимать самолетами.

26 августа. Сейчас положение такое: весь караван ледоколов и пароходов стоит в тяжелом льду и не может продвигаться. «Сибиряков», который был назначен только на полярные станции, проваждел в разведчик для всего каравана, высказываясь свободные пути. Авиация из-за туманов бессильна. С острова Уединения «Сибиряков» успел зимовщиков сменить, дальше должен был идти к нам, на о. Каменева, но его послали на разведку. Сколько займет она времени? Не надо быть ребенком и не надо обольщаться — сейчас конец августа, скоро даже пытаться нельзя будет подойти к Домашнему, будет заморозки. Да и уголь у «Сибирякова» станет подходить к концу. А еще надо идти на Оловянный.

Вот мы вдвоем, оба цинготные, сидим и ждем. Страшно надвигаются темнота, возможная полярная ночь, если нас не сменят. Это будет медленное, постепенное умирание, самое противное и изматывающее нервы.

Вот тут то, многоуважаемый Эрнст Теодорович, надо показать марку! Покажите верность и преданность Родине ценою своих нервов, здо-

ровья, а может быть и жизни. Практически это заключается в том, чтобы сейчас не посылать никаких служебных телеграмм. Караван должен пройти, ему и первое место.

Тогда, на льдине в лагере Шмидта, даже когда остались шестером не было таких отчаянных мыслей. Там было общественное мнение, подъем. Здесь же все тихо...

Выходит, что я трушу, боюсь смерти? Да, боюсь. Хочется жить, работать, быть вместе с Наташей (женой Ред). Выпадут секунды, когда будто что-то внутри, в душевном механизме, сдает и хочется закричать, броситься с кулаками на стену. Сопровождается это какой-то полной пустотой и бездумностью в голове. Надо все мои дневники держать в портфеле и написать заранее письмо, чтобы портфель был передан тебе, Наташа.

29 августа. Решил написать о нашем положении Шмидту. Все же должен был его хотя бы информировать. Послал ему следующую телеграмму: «Начиная с середины июля, подставки обеих машин подвержены коррозии. Материалов для ремонта нет. Привет от Зандера». Зандер — механик, умерший в экспедиции Седова от цинги. Телеграмму надо понимать так: цингуем, противцинготных средств нет».

30 августа. Утром получил телеграмму от Шмидта: «Очень хочу вас скорее видеть, дорогой друг. Если с пароходом затанется, то прилетим за вами. Шмидт». Ну это все, что мы могли ожидать, вполне нас успокаивает и устраивает.

31 августа. С утра густой туман, но северный ветер. Погода от часу к часу становится янее и лучше. Лед стал быстрее отходить, и сейчас к вечеру, вместо 10 баллов — чисто. Лед лишь на горизонте. С середины дня я уже давал благоприятную авианеподугу. Вот и создалось дикое положение. С одной стороны «Сибиряков» идет теперь уже прямо к нам, а с другой — вот-вот может сообщить о вылете самолета. Я почти не отхожу от приемника — то авианеподуга, то телефонная связь с «Сибиряковым», то работа с Оловянным. И я, и Мехренган, оба как на углях сидим. Хочется дождаться «Сибирякова», сдать зимовку нормально, если же будет раньше самолет, мы должны будем лететь».

1 сентября 1936 года «Сибиряков» достиг островов Сергея Каменева и привагировался к мощному торосистому ледяному припюгу против острова Домашнего. Прибыла смена. Была закончена и дана самая северная зимовка Карского моря.

(Окончание следует)

Двести семьдесят пять дней на льдине

О предполагаемой экспедиции на Северный полюс и впервые усаушай в 1930 году от Владимира Юльевича Визе и тут же попросил его считать меня первым кандидатом на вахтенного радиста. Во время плавания на «Синиловине» в 1932 году я разговаривала с Отто Юльевичем Шмидтом на эту тему. Он сообщил, что экспедиция на Северный полюс с высказкой радистом небольшой группы научных работников запланирована на последний год второй пятилетки.

Чернулись мы и этому разговору уже после гибели «Чеснокана» во время дрейфа ледового лагеря. Времени там было достаточно, и мы с Отто Юльевичем и Петром Петровичем Ширшовым не раз беседовали на льдовозовых нас тему. Ледовый лагерь членские представлял нам бы модель дрейфующей станции, двухмесячное пребывание в палатках на льду являлось вполне разумной практикой, обеспечившей нас для будущей экспедиции.

Перед отъездом на зимовку на мыс Олованский в 1935 году я несколько раз говорила О. Ю. Шмидту:

— Не забудьте обо мне, Отто Юльевич, при посылке экспедиции на полюс.

Шмидт не забыл.

Подготовка к экспедиции началась с апреля 1936 года. Было решено высадить в 1937 году в районе Северного полюса четверку полярников — И. А. Папанина, Э. Т. Кренкеля, П. П. Ширшова и Е. К. Федосова.

Радиостанция ЦРОЛ, которой нам предстояло воспользоваться на льду, создавалась в одной из радиослабостей Ленинградской области под общим руководством известного коротковолновика Л. А. Гаухмана. Проектирование радиосапаратуры по программе «Дрейф» было поручено В. Д. Добровольскому, за разработку же являлся участник арктических плаваний Н. Н. Стромовым. Им были сделаны два передатчика мощностью в 20 и 80 вт, работавшие на коротких и длинных волнах. Разработку двух приемников осуществил А. И. Ковалев. Третий комплект радиосапаратуры — резервный приемопередатчик радиостанции на фиксированную волну 600 метров создавался под руководством Л. А. Гаухмана.

Готовую аппаратуру надо было проверить. Эксперимент был проведен дважды: один раз неподалеку от Ленинграда, второй — под Москвой в Теплом Стане. Я выхожу в эфир с позывными РАЕМ, и пишут на моих корреспондентах в Москве, Казане, Ярославле, Саратове, Могилеве, Англии, Чехословакии, Швеции, Дании, Польше, Германии, Японии, Центральной Африке и США не подозревая, что участвуют в испытании аппаратуры, предназначенной для Северного полюса.

22 МАРТА 1937 ГОДА в Арктику вылетели четыре тяжелых четырехмоторных самолета. После промежуточной остановки, последовал перелет на Новую Землю.

12 апреля 1937 г. Маточкин Шар. Заснул в той самой комнате и на том

самом месте, где начинал свою арктическую работу. Даже щелли на потолке — и те знакомые. Был я здесь в 1924—1925 и 1927—1928 годах...

После небольшой передышки самолеты опять в воздухе. Следующая остановка — на ледяном куполе острова Рудольфа Земли Франца Иосифа.

21 мая. Наконец, наступил долгожданный день. Руководство экспедиции приняло решение вылететь на полюс на одном самолете, организовать там посадочную площадку и затем вызвать остальные три машины с грузом. Первым должен был лететь флагманский самолет Водопьянова с тринадцатью пассажирами: экипаж, начальник экспедиции О. Ю. Шмидт, кинооператор и наша черверка.

В 4 часа 50 минут предельно нагруженный самолет поднялся в воздух и, сделав два круга над базой, лег на курс. Через шесть часов полета мы были над полюсом. Самолет, пробывая облачность, большими виражами пошел на снижение.

В этот момент в бортовой радиостанции замкнулись какие-то провода и радиограмма о том, что мы находимся над полюсом и идем на снижение, оборвалась на полуслове.

Лишь на высоте 200 метров под нами открылись ледяные поля Северного полюса. Теперь все зависело от мастерства Водопьянова. Чтобы посадить тяжелую машину на неподготовленную площадку, не зацепив ни одну торчащую льдину, требовалось большое искусство. Толчок... Под крыльями просканивают ошенившиеся льдины... Наконец машина стала. Мы выскпали на лед. Гриную «ура» в честь любимой Родины, и мы бросились в объятия друг к другу.

После первых минут радости и возбуждения каждый занялся своим делом. Федоров, установив свою аппаратуру, приступил к первому астрономическому наблюдению. Надо было уточнить наши координаты. Я занялся срочной установкой радиостанции, так как у бортовой радиостанции умформер, а связь с островом Рудольфа требовалась немедленно. Нетрудно было представить, что могли предположить товарищи, оставшиеся на острове. Ведь связь с нами оборвалась так внезапно.

Установка и пуск станции заняли

почти четыре часа. Наконец, в четвертом часу дня загудел маленький умформер нашей станции, но оказалось, что от долгого пребывания на морозе аккумуляторы сели. Потребовалось запустить бензиновый двигатель для их зарядки.

Прокладит час за часом. Зарядка аккумуляторов, наши вызовы, затем слушание. Через полчаса опять зарядка, и все начинается сначала. Остров Рудольфа монотонно бубнит своим мощным радиомаяком. Вероятно там рассчитывали, что мы можем еще вернуться, и поэтому не выключали маяка. Это обстоятельство и помогло быстро установить связь: радиомаяк заглушал слабые сигналы нашего двадцативаттного передатчика.

Только в 21 час 30 минут в эфире появились сигналы острова Рудольфа. С бешеной скоростью по неслыся точки и тире нашего позывного. После первых минут радости и поздравлений перешли к делам.

22 мая. Началась будничная работа. Надо было узнать толщину льдины. Целый день мы долбили коловую канавку, оставшая в середине ледяную бабку. Работа была тяжелой и неспорной. Лед постепенно становился все более сырым, и наконец хлынула бурлящая вода, выиг затопившая шахту. Толщина льдины равнялась трем метрам десяти сантиметрам. Следовательно, возраст нашего ледяного поля был не менее двух лет.

Следующим делом было строительство снежного дома для радиостанции, так как наша большая палатка еще не прибыла.

...Через несколько дней самолеты А. Д. Алексеева, И. П. Мазурука и В. С. Молонова прилетели на полюс, и мы получили наше снаряжение. Все продовольствие и горючее было разделено на несколько частей и развезено в разные стороны. Хранить все в одном месте было нельзя, приходилось считаться с возможными сжатиями и разрежениями нашего ледяного поля.

6 июня. Наступил день расставания с летчиками. В пять часов вечера состоялся митинг в честь подъема флага и торжественного открытия дрейфующей полярной станции «Северный полюс». Мы стояли с обнаженными головами и пели «Интерна-

Окончание. Начало см. «Радио», 1972, № 6—11

1937 год. И. Д. Паланин и Э. Т. Кренкель на Северном полюсе.

ционал» под гул прогреваемых моторов.

Незабываемые минуты прощания, и самолеты идут на взлет, обдавая нас снежной пылью. Последним поднялся в воздух Водопьянов. Мы остались вчетвером на льдине.

7 июня. Приступили к гидрологическим работам. У лунки соорудили деревянный помост и установили лебедку. Ширшов, вымазанный до ушей машиным маслом, сидит, как именной. Груз, шуп и приборы скрылись под водой. Побегали стрелки счетчика. Быстро разматывался стальной тросик. Через 2 часа 40 минут лебедка автоматически остановилась. Глубина 4290 метров!

17 июня. Мы настолько продвинулись к югу, что потребовалось вновь измерить глубину океана. Второй промер показал еще большую глубину — 4374 метра.

Однажды у лагеря появились медведица с двумя медвежатами. Медведица на полюсе — этого никто не мог предполагать. Влившаяся земля — Гренландия находилась в 700 километрах. Нашей медведице с потомством надо было совершить этот большой путь, да еще вернуться обратно. Но когда всемог мы увидели тюленя, стало ясно, что путешествующие по дрейфующим полям к полюсу медведи обеспечены кормом.

Примерно с половины июня на полюсе началось относительно лето. Слабые заморозки чередовались с оттепелью. Тепло брало верх и причи-

няло нам много неприятностей. Дождь и туманы превращали снег в ледяную кашу. В конце концов стоял весь снег, и мы оказались на голом льду, среди луж и больших озер.

Мы были озабочены сохранением нашей жилой палатки. Под ней снег не таял. По бокам мы обкладывали ее льдом, и со временем она стала возвышаться на ледяном пьедестале. Наши запасные базы хранились в ближайших ледяных буграх. Бесчисленное число раз нам пришлось перетаскивать их с места на место.

Озера становились все больше и соединялись между собой. Мы накатали резиновую лодку, которая позволяла нам совершать недалекие экскурсии по этим озерам. Глубиня их местами достигала двух метров...

19 июня. Большим событием в нашей жизни, как и в жизни всей страны, был перелет Чкалова через Северный полюс. Утром в 5 часов 50 минут над нами загудел самолет. Чкалов должен был сбросить нам московские газеты и письма. Туман и низкая облачность помешали этому.

...Через несколько дней пришлось покинуть снежную хижину, где помещалась радиостанция. Бее стены стали, как кружева, и грозили обвалом. Пол превратился в сплошную лужу.

Радиомачты установили на новом месте. В углу жилой палатки на маленьком столике разместили всю радиоаппаратуру. Под столом уста-

новили аккумуляторы. Кабель от ветряка также подвели к палатке. Через сутки аппаратура пошла, и резко увеличилась слышимость всех радиостанций. Мы получили возможность регулярно слушать Москву.

30 июня. Аккумуляторы хорошо заряжены. Вот ночью и поработал с радиолубителями. Сегодня очень большой «улов»: RA0AZ — Голландия; DJ5AJ — Ирландия, G6KP — Англия, G5RI — тоже Англия, TF3C — Исландия, U1AD — Ленинград и U1AP — снова Ленинград. Кроме того, еще Северная Америка.

Занято получилось с ленинградцами. Сначала я услышал работу Камалятина — U1AP и начал его звать. Вместо него ответил Салтыков U1AD, короче говоря, перебил ему связь. А так как за первую связь с полюсом полагается премия — мой приемник КУВ4, оставленный в редакции «Радиофронта», то, следовательно, Салтыков выхватил у него еще и приемник. Потом Салтыков свел меня с U1AP. Слышимость была 5 баллов.

28 августа. Исполнилось сто дней нашего пребывания на льду. В этот день мы находились на 87°09' северной широты и 12° восточной долготы. Наше ледяное поле с переменной скоростью двигалось на юг. За сто дней льдина прошла по ланоманой 550 километров со средней скоростью пять с половиной километров в сутки.

5 октября. Проводили солнце. Оно скрылось на долгую полярную ночь. Последние светлые дни были использованы для строительства ледяных хижин.

Для этого мы месили в проруби снежную кашу и лопатами накладывали между двумя досками, поставленными на ребро. Через пятнадцать минут можно было доски поднимать выше и накладывать следующий ярус. Так росли стены. Труднее всего было соорудить крышу, но мы все же вышли победителями и из этого затруднительного положения. Двое держали на плечах согнутый лист фанеры, а остальные накладывали сверху тонкий слой ледяной каши. Фанеру держали довольно долго — мороз должен был прихватить крышу, но так, чтобы фанерные листы не примерзли. Ватем их отдирали, а ледяная крыша оставалась.

Наблюдение за погодой, льдами и морем продолжалось и полярной ночью. Наша дрейфующая станция впервые дала возможность уточнить скорость дрейфа льдов, провести систематические и всесторонние гидрологические работы.

28 января. Мы приблизились к северо-восточному берегу Гренландии. В связи с близостью суши следовало

ожидать больших сжатий и торосений...

Разразился страшный шторм. Из-за пурги и шторма не имели возможности произвести астрономические наблюдения, и когда, наконец, их удалось провести, то оказалось, что мы катастрофически продвинулись к югу. Из Москвы даже пришел запрос с требованием повторить наши последние координаты, так как предполагали ошибку в вычислениях.

Опасность заключалась в том, что массив движущегося на юг льда достиг широт, где начиналась область открытых водных пространств. Нас как бы выдвинуло на опушку ледяных полей.

1 февраля. Шторм и волны с юга разрушают наше ледяное поле. Мы очутились на обломке льдины размером 200 на 300 метров.

От нас отрезало две базы и технический склад. Все необходимое для жизни удалось вовремя спасти.

...Льдина становится все меньше. Жилую палатку пришлось покинуть, так как ее затопило водой. Установив легкую палатку для радиостанции и жилья, мы тут же были вынуждены перенести ее, так как посередине палатки прошла новая трещина. Радиоаппаратура была установлена на нартах и кочевала с места

на место в зависимости от обстановки.

6 февраля. Началось сжатие. С треском и скрипом массы льда налезают на нашу крохотную льдину. В десяти метрах от палатки вырос и двигается на нас ледяной вал. Льдина ходит под нами ходуном.

8 февраля. Шторм разорвал и опрокинул нашу палатку и груженные нарты. С большим трудом мы кое-как закрепили остатки нашего имущества.

9 февраля. Шторм стих, и мы впервые увидели на горизонте горы Гренландии. Вокруг нас месиво наторошенного льда. Кое-где чернеют разбросанные предметы нашего снаряжения. Перебираясь через торосы и прыгая через трещины, нам удалось собрать часть имущества.

...Осколок нашего ледяного поля продолжал движение на юг. Кругом был только мелкобитый, местами наторошенный лед. Когда усиливался ветер, мы напряженно ждали и были готовы ко всяким новым осложнениям. Были накачаны и приведены в готовность наши резиновые лодки. Все записи, карты, дневники были уложены в резиновый мешок, который в случае катастрофы был бы брошен в море, и, может быть, кто-нибудь подобрал бы его.

Но мы знали, что к нам на помощь спешат посланные Родиной корабли. Через несколько дней была установлена непосредственная связь с ледокольными пароходами «Мурманом» и «Таймыром».

19 февраля. Лавируя между льдинами, форсируя ледяные перемийки, к нам пробилась ледоколы. Незабываемые минуты встречи! Десятки дружеских рук помогли нам перенести на корабли остатки нашего имущества. Была передана последняя радиogramма — рапорт правительству:

— Безгранично счастливы рапортовать о выполнении порученного нам задания... Горячая забота и внимание к нам партии, правительства и всего советского народа непрерывно поддерживали нас и обеспечивали успешное проведение всей работы».

ТЕПЛО И РАДОСТНО встретила нас Москва. Увитые цветами, окруженные толпами ликующих москвичей, наши машины медленно двигались к центру.

Наша экспедиция, как и все экспедиции и стройки страны, была подлинно общественным делом. В подготовке ее участвовали десятки учреждений и заводов. Работа нашей четверки являлась завершающим звеном огромного труда многих тысяч людей. Миллионы советских людей следили за нашей жизнью на льдине, тревожились за нас, тысячи радиолюбителей держали с нами связь. Вместе с нами, вместе с Москвой, радовалась нашей победе весь советский народ.